

Жорж Могиллов
Централ

Могила Ленину

Жорж Могиллов

Централ. Могила Ленину

«Издательские решения»

Могиллов Ж.

Централ. Могила Ленину / Ж. Могиллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854446-0

Тюрьма не самое лучшее место для начала новой жизни, но судьбу не обманешь. Коррупция в системе правосудия ломает жизни многим, и тот, кто отказывается платить за свою свободу, теряет все. Каждый ищет свою правду и справедливость. Герои книги, находясь в тюрьме, вершат свое правосудие над теми, кто считает себя неприкосновенным. Ложные доносы и купленные свидетели, сфабрикованные дела на заказ — только малая толика беззакония с одной целью — заработать. Правосудие превратилось в бизнес...

ISBN 978-5-44-854446-0

© Могиллов Ж.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 – 1001 НОЧЬ ЦЕНТРАЛА	6
Глава 2 – ШАХЕРЕЗАДА ОТДЫХАЕТ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Централ Могила Ленину

Жорж Могилев

© Жорж Могилев, 2018

ISBN 978-5-4485-4446-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора: Тюрьма не самое лучшее место для начала новой жизни, но судьбу не обманешь. Система коррумпированного правосудия ломает жизни многим и тот, кто отказывается платить за свою свободу теряет все. И каждый ищет свою правду, справедливость и свободу. Герои этой книги, даже находясь в тюрьме решили вершить свое правосудие над теми, кто считает себя неприкосновенным. Ложные доносы и купленные свидетели, сфабрикованные дела на заказ, только малая толика беззакония, которая происходит в судах с одной целью, заработать. Правосудие превратилось в бизнес..

Глава 1 – 1001 НОЧЬ ЦЕНТРАЛА

Судьба свела двух боевых офицеров не на поле боя а в тюрьме и связала крепкой дружбой на всю оставшуюся жизнь.

– Ну что граждане бандиты, будем добровольно выдавать запретку, телефоны, ножи, заточки и т.д и т.п? Майор Бляшко решил на ночь глядя устроить шмон в хате, где чалились под следствием бывший ОМОН-овец по кличке Могила и бывший СПЕЦНАЗ-овец ГРУ (Главное Разведывательное Управление) по кличке Ленин. Все арестанты стояли вдоль нар и старались не поднимать глаз, только новичок Жора Могила смотрел смело в глаза кума (начальника оперативной части), сжимая кулаки он стоял в опасной близости от гражданина начальника, морда которого так и просила затрещину. Так смело заявиться одному, в хату (тюремная камера) спец блока (корпус для содержания особо-опасных рецидивистов и арестантов склонных к побегу), куда даже спецназ ПАНТЕРА побаивается по беспределу заходить. Да он бухой, падла и решил поглумится над арестантами, нет хаты, где не водиться запретка, а тут точная наводка, подумал Могила и решил поставить на место майора.

– Ты майор где бандитов видишь, кругом одни подозреваемые или забыл что в Централе находишься а это тебе не зона и осужденных здесь пока нет.

Майор оторопел от дерзости Могила, но сдержался, знал когда шел на шмон (досмотр, обыск) в спецблок, что не безопасно заходить одному в хату где сидят самые отъявленные подследственные. Бляшко сделал кислую мину и со злостью буркнул.

– Да знаю я все, но считай что этого не слышал, все равно найду в следующий раз ваши трубки.

– Вот в следующий раз и посмотрим, ответил Могила.

Майору Бляшко настучали вертухаи (охранники, надсмотрщики, стража), что в спец блоке мобильные телефоны чуть-ли не у каждого арестанта. Да так оно и было, только прятали их так, что и метало детектором не могли отыскать, потому майору ничего не оставалось как ретироваться. Пока существуют голодные вертухаи, всегда за бабки будут заносить запретку арестантам.

Когда дверь за ним закрылась Ленин подошел к Могила, помахав головой вымолвил.

– Ты совсем башкой тронулся, твой взгляд на этого пидара был как из могила.

– Да я его на куски порву, самонадеянный боров, хорошо что сдержался.

Так и прилепилась погоняло Жора Могила к арестанту Георгию Ивановичу, задержанному по подозрению в совершении преступления по ст. 159, ч 4 УК РФ, мошенничество в особо крупных размерах.

Следственный изолятор №4 гор. Санкт —Петербурга, централ (центральная тюрьма) находится на улице Лебедева в народе прозванный «Лебедь», тюрьма построенная еще во времена правления Екатерины 2 в 18-веке, недалеко от Финляндского вокзала, вокруг именно этого вокзала стоят три огромных централа, знаменитые (Кресты) на берегу Арсенальной набережной реки Невы и Централ (Арсеналка) на улице Арсенальная. Именно с этого вокзала во все времена грузили на этап и увозили арестантов в северные районы великой России.

Централ Лебедь строился как медицинское учреждение, после революции там лечили прлетариат от алкоголизма, в 30-ые годы 20-го века лечили психов ну а в 60-х годах психушку оборудовали под тюрьму. Здания старой постройки как и корпуса Крестов составляют четыре 4-х этажных строения, соединенные в виде креста. Казематы жуткие, из-за внутреннего дизайна, ведь архитектура 18 века вся в стиле барокко со сводами и низкими потолками, с камерами не больше 20 квадратов на 8—10 сидельцев, стены кирпичные не менее метра толщиной.

Разогнаться негде в хате, даже места для стола нет а всего доска прикрепленная к стенке, когда пайку (продукты, и другие предметы, положенные по закону арестанту) давали ели по очереди, слава богу, что небыло перегруза, когда в хате для 8-ых забивали и по 20 арестантов.

Централ-это центральная тюрьма, совмещенная со следственным изолятором, крытка (место заключения тюремного типа) и хоть под следствием человек находится и может не виноват вовсе а содержание самое суровое, много случаев когда под следствием отсидивают и 5—6 лет.

Вся эта история из реальной жизни автора, перекошенной, перевернутой с ног на голову и растоптанная продажной правовой системой еще с совдеповских времен, когда людей сажали за любой поклеп недоброжелателей или завистливого соседа. Сталинские времена никуда не делись и люди в России-матушке также сидят по несправедливости и по вине коррумпированной системы правосудия. Некоторые имена изменены, дабы не навредить тем, кто еще чалится (отбывает срок) за хозяином.

С Лениным у меня долго сохранялся контакт после моего освобождения, часто созванивались и переписывались в социальных сетях, он сколотил для меня бандочку и отправил на восстановление справедливости в моем деле, но потом он пропал, это обычное дело для осужденного на 24 года, либо погнали этапом на красную зону в Карелию, где нереально общение с внешним миром. Потому хочу рассказать о судьбе и похождениях двух схожих судеб, двух настоящих и достойных офицеров, прошедших через лихие 90-ые, через горячие точки, не утратившие честь даже в условиях тюрьмы и попыток сломить дух офицера через унижения и угрозы в системе пенитенциарных учреждений.

Ленин и Могила – это герои одного времени, патриоты своей родины, которых система одинаково жестоко спровоцировала на некие незаконные действия, которые любой бизнесмен в современной России совершает постоянно и это было всегда, никакая система правления, будь то демократы, либералы или коммунисты не изменит ситуацию, в какой стране живем. Но все по порядку

Ночь, время когда централ оживает и за семью замками, множеством решеток, с вечным лаем сторожевых собак, под беспробудным взором конвойных вертухаев, за партией шахмат два арестанта делились самым сокровенным, как жили, что успели и как оказались в местах не столь отдаленных а также строили планы на будущее.

Заехал Могила в Централ банально, арендатор накатал липовую заявку о мошенничестве в особо крупных размерах при ремонте офисного здания, заплатил ментам чтобы пресанули и те долго не думая завели уголовное дело, за бабки слепить дело как два пальца, ведь был бы человек а статья подберется. Могила не был простым обывателем, как ни как закончил юридический факультет и понимал что нужно откупаться, менты даже сумму назвали в пол миллиона деревянных да и откупился бы, но принцип не давать и не брать взяток был сильнее. Многие на эту удочку попадаются, платят бабки за прекращение дела, прокурор прекращает дело, но через некоторое время другой вышестоящий прокурор при обжаловании решения потерпевшей стороной в вышестоящую инстанцию дело пере возбуждает. На самом деле мошенничества никакого не было, терпила по делу был очень обеспеченным человеком и предъявленная сумма ущерба в миллион рублей была высосана из пальца по поддельной расписке, якобы подписанной Могилой. Просто зашла коса на камень и началась войнушка, все разборки по этому делу должны были происходить в гражданском порядке да ни тут-то было, два бизнесмена схлестнулись не на жизнь а на смерть.

После 10-ти суточного карантина в тюремной камере больше похожая на свинарник Могилу перевели в спец блок и непонятно было почему именно спец блок, ведь режим не нарушал и к побегу не склонен, могли кинуть в нормальную хату с транзитниками, его должны были этапировать в родной город по месту совершения преступления, но не это было в мыслях

Могила, думал он только об одном, терпила и весь его род должен сдохнуть, потому как вместе с арестом Могила потеряет все, семью, бизнес, квартиру, положение в обществе и конечно друзей. Около полуночи железная столетняя дверь со скрежетом отворилась перед Могилой, в хате был полумрак и все со страхом в глазах уставились на входящего, но не входящий был объектом страха, все боялись шмона «обыска» так как в такой поздний час все общаются по мобильнику с волей.

Могила шагнул за порог и поздоровался как положено в людской хате.

– Доброй ночи от души братва.

– Доброй коль не шутишь, отозвался с угловой шконки небольшого роста, но недюжей силы мужичок лет 45-ти. На нем были только трусы и накаченное тело свидетельствовала об ежедневных тренировках для поддержания формы,

– Я Влад, погоняло Ленин, это Серега или Барон, начал представлять сокамерников Ленин, а это Годерзи или просто Годе, он грузин, Костя Гонщик, Гена Горец, Руслан Рембо и Вася Шкет. Пожав каждому руку и представившись просто Георгием, Могила бросил свой скатанный матрас на единственно свободную шконку у окна на верхнем ярусе. Ленин кивнул Гонщику на чайник и тот подорвался заваривать чифир, сам пригласил Могила присесть напротив и начал разговор.

– Ты Георгий заехал в людскую хату и если не первоход уклад знаешь.

– Да я не первоход и в курсах всего, я тут взгрев (продукты, чай, табак и др.) подогнать хочу и достал из завернутого матраса пакет с чаем и сахаром, другой пакет был с карамелью и сушками, пара пачек сигарет, которые буквально за день до закидки в карантин передала Лена.

– За взгрев от души спасибо от всей хаты как раз чифирнем и поговорим, познакомимся и будем думать как дальше жить собираешься, ответил Ленин.

– Жить буду по людски и по воровскому закону, сказал Могила и взглянул на публику. Все с интересом переглядывались, но Ленин был авторитетным арестантом в хате и все новенькие общались перво наперво с ним. Пока Гонщик возился с чифирем Ленин продвинул между шконками пластиковый таз и перевернул вверх дном, достал чистое вафельное полотенце, застелил и соорудив импровизированный столик, выложил карамель и пригласил всех к чаю. Таков обычай в тюрьме, всех встречать или провожать за чифирем. Когда заварился и был заботливо процежен чифирь все присоединились и пошло общение.

– Ты по какой статье заехал брат, спросил Ленин у Могила.

– По 159-й, фармазонщик я в особо крупных.

– Серьезная статья, у меня их штук сто, Ленин улыбнулся и кинув в рот карамельку первым хлебну из кружки.

– Как это, изумился Могила.

– У меня больше ста потерпевших по делу о мошенничестве, не считая остальной букет статей, начиная от 105-ой статьи, убийства, разбоев, грабежей и заканчивая организацией ОПГ (организованная преступная группировка). Как говориться экспроприацией занимались у нечестных на руку граждан, не зря и погоняло приклеилась соответствующая. Надеюсь историю изучал и нет необходимости вводить в курс лекций по поводу вождя революции Владимира Ильича Ленина, гордо произнес Влад.

– Богатый ты, но я врагу не пожелаю такого богатства, угрюмо сказал Могила.

– Да... Ленин у нас легенда, встрял в разговор Шкет.

– Мы с тобой и Лениным коллеги, ты хоть сколько бабок хапнул?

– По объёбону (обвинительному заключению) терпила насчитал один лимон деревянных а по чесноку ни копейки не хапнул, Могила скривился от обиды и досады.

– Да ты не парься братан, статья у тебя правильная и в чести у братвы, ведь возле законника «вора в законе» всегда справа фармазонщик (мошенник, фалишивомонетчик) а слева,

барыга (делец, спекулянт, торговец) широко улыбнувшись Гонщик передал кружку чифирия Могиле.

– Да я и не парюсь, а ты почему гонщиком кличишься Костик. Тот смутился и ответил,

– Машины я уганял да колеса с фур пиздил, вот и прозвали, ну а если подумал другое, то не темни, я не гоню фуфлю (неправда, ложь, дезинформация), если в этом смысле.

– Да не о том базаришь Гонщик, Ленин остановил пыл товарища

– Человек только заехал и разобратся хочет, кто есть кто, я объясню, что в этой хате все правильные парни, обиженных или опущенных сюда не кидают, боятся последствий, для них специальные хаты, хотя мы все очень мирные и добропорядочные сидельцы, не первоходы сопливые, и все уже не мальчики как видишь. Ну про Гонщика ты уже услышал, теперь представлю всех в картинках как говорить. Все оживились и Ленин как с трибуны стал вещать.

– Годе у нас вор карманник самой высокой квалификации, вот только с терпилами ему не повезло, все хором заржали и только Могила не допер. Ленин продолжил,

– Я объясню, если Годе не против, тот миролюбиво махнул рукой, мол валяй а сам зажевал конфетку.

– Значит щипнул «украл» наш Годе у постояльца кафе на Невском проспекте конверт с бабками аж на миллион деревянных, только терпила оказался пидаром, который еще и частный детектив. А бабки эти он получил от другого пидара в долг. Ну и как тут разобратся честному карманнику, что твой клиент гомик, только в суде это вскрылось. Все опять заржали и Могила тоже не сдержался и захохотал аж до слез, ну а Годе дожевав конфетку с грузинским акцентом сказал,

– Да я его маму ебал и его весь род ебал, я его все я его ебал, дедамоскле, если бы я знал не в жизнь не тронул бабки этих пидаров, теперь еще и судится с ними приходится эээ. Все весело рассмеялись и стали сочувствовать Годе, на что он отмахнулся и затих, Ленин тем временем продолжил,

– А ты Горец чего радуешься, ведь ты подельник Годе, вместе щипали пидаров и законтачились, (дотронулись до предмета, до которого дотронулся опущенный, т.е. предмет не чистый) пидарскими бабками. Горец помрачнел и слова не сказал, ведь западлю с пидарами контачить и можно войти в касту опущенных (представители самой низшей касты козлов и петухов, занимающиеся самой грязной работой, самые униженные и презираемые в воровском мире). Но Ленин не выносил сор из хаты и этим был прав, им вместе хату делить и одну баланду хавать а если по незнанию законтачился, это простительно. Ленин тем самым раздухарился и продолжил знакомство в театральном стиле и с пафосом молвил.

– А вот этого человека я представлю с большим удовольствием, наш пацан (блатной) от кончика ногтей на ногах и до кончика волос на голове, шестой заезд, за плечами 5 сидок по серьезным делюгам да и нынешняя делюга на 30 лямов «миллионов» тянет, выставили банк как за здрасьте, это Шкет, прошу любить и жаловать и все глянули на Шкета с уважением. Но Могила понял что в авторитете в хате Ленин и никто ему не перечит и слушаются как отца родного, ведь Шкет был намного старше Ленина, да и Барон лет на пять старше, в тюрьме уважение к старшим само с собой обязательна но авторитет возрасту не помеха.

Вот это и интересовало Могилу больше всего.

– Да не сам яставлял а в пятером, я смылся в Германию и пожил по людски на свою долюху пару лет, вернулся из-за матери, она раком болеет, тут и приняли мусора., пояснил Шкет.

Ленин продолжил уже с меньшим пафосом и представил остальных, Могила понял, что остальные не представляют интереса и являются обычными байстрюками, воришками, наркоторговцами.

– Гонщик тачки у барыг угонял и загонял по дешевке на разборки, специализировался на отечественном автопроме, также на трассе промышлял раскручивая запаски с фур и странно

что его водилы не покалечили а бабки на наркоте тратил, Ленин скривился, потому что нарики для него не люди а отбросы и к ним не может быть жалости и сочувствия, тем более Гонщик уже не сопливый пацан и должен понимать, наркота – это для еще зеленых и без мозгов молодежи, кто еще не понимает что творит, а Гонщик уже отец двух взрослых детей, правда семья его бросила давно и на долго. Могила понял, что в хате Гонщик в шнырях (арестант постоянно выполняющий общую работу в хате, уборка, мытье посуды и вечный дежурный, дневальный) ходит, потому и чифир заварил и пепельницу подал на импровизированный стол, все как в кабаке, приготовят, подадут.

– Раз уж заговорили про наркоте, то самое время представить Барона, погоняло не про него ведь он обычный курьер и пытался затащить из Финляндии в г. Выборг 100 кило гашика (гашиш, наркотик растительного происхождения) но его хапнули в отеле с двумя килограммами гашика, остальной товар на Торфяновке (таможенный пункт на границе Финляндии с Россией) тормознули и срок ему за это светит не малый, в особо-крупных размерах, аль я чего-то не то гутарю Барон.

Барон мужичок лет 45-и очень полного телосложения и интеллигентным лицом, сконфузился и с надеждой что продолжения описания его геройств не будет взглянул на Ленина, но Ленин был неумолим, видимо сильно ненавидел он людей занимающихся трафиком и торговлей наркотиков.

– Других травил а сам никогда даже не пробовал эту дрянь, не так-ли Барон? Ленин с суровым взглядом впился в Барона, тот глотнул из кружки чифирия и промлямлил еле слышно.

– Да я чего, меня заставили в это дело влезть, долги у меня были перед серьезными людьми а отдавать было нечем, вот и влез, чтобы с долгами рассчитаться, за один ход мог рассчитаться со всеми, но не повезло. Барон неумело оправдывался.

– Теперь тебе никогда с долгами не рассчитаться, если раньше не грохнут на зоне за то, что товар не довез, Ленин со злостью зажевал карамельку и глотнул чифирия. Барон с ужасом огляделся и прямо на глазах у всех заплакал. как ребенок от страха что его накажут за нехорошее поведение. Ленин не успокоился и заревел как лев.

– Плачешь как баба, а ты не думал когда дурь брался возить, сколько людей плакать будут от горя за своих детей. Сто коллограмов гашика подели на один грамм, ведь столько в одной дозе, это сто тысяч доз. Ленин скрепя зубами притих. Наступила какая-то тягостная тишина и Могила попытался поправить положение.

– У меня у самого сына чуть в нарики не затащили и тоже начал с гашика, он у меня учится в университете в Праге и заманили дав попробовать курнуть, курнул раз на шарика, другой раз, ну а потом предложили распространять среди студентов эту дурь. Хорошо что я вовремя прилетел повидаться с сыном в Прагу. Звоню с аэропорта а сынок мой еле языком ворочет и чушь полную несет, про усталость от занятий. Конечно встретить отца он не соизволил и не дождавшись его я помчался на такси в город. В отеле бросил вещи в номер и спустился в ресторан попить пивка и поужинать когда в холле встречаю сына, братцы, не поверите, он меня не узнал, глаза смотрят мутным взглядом, зрачки расширены, исхудавший и бледный как мел. Я сразу понял что он обдолбанный (под воздействием наркотических веществ).

Не стал я его отчитывать и затащил в ресторан накормить от пуза, чтобы он пришел в себя немного и после ужина оставил его у себя в номере спать, сам поехал в его общежитие, где разыскал коменданта и переговорил с ним, чехи народ очень законопослушный и я узнал, кто травкой балуется.

В общаге я нашел этих гавриков, один казах, другой таджик, оба холеные, видимо из богатых семей и при бабках, как вы думаете, что я с ними сделал, чуть не покалечил и указал, что часто в Прагу приезжаю, у меня фирма в Чехии и не дай бог еще раз узнаю про наркоте, завалю обоих, меня хорошо этому научили. С сыном был на второй день разговор по мужски, он мне

подтвердил что именно Фархат и Хабиб ему травку давали, пытались втянуть в торговлю гашиком, хоть в Европе демократически относятся к покуриванию травки, но за распространение сажают. Сын понял меня и видимо после встречи с друганами нариками сразу отпала охота что-либо принимать. Хорошо что я вовремя укукал (понял), он только начал, если упустил бы момент мог потерять сына. Ленин выслушав Могилу еще злее стал и поведал свою историю.

– У меня дочка 18-ти лет и вроде воспитал нормально, спортсменка, занимается фигурным катанием а оказывается спортсмены чаще всего и подсаживаются на дурь, ведь жизнь проходит в постоянных нагрузках и без допинга многие ломаются. Пить спиртное им противопоказано ну а курнуть или нюхнуть можно, вот и балуются, ведь бабки водятся и могут себе позволить, да на сборах или соревнованиях когда нет присмотра и родителей нет а тренерам похуй, тогда там крутятся барыги. Доця моя тоже на курево подседа а я не курю и унюхал запах от нее и ее вещей, расколол сразу, тоже вовремя успел. Наркомания в России национальная болезнь, как во все времена был алкоголизм. Все дело в дешевизне наркотиков и коррупции в Гос наркоконтроле. Законы ужесточили и сроки немалые только за хранение можно срок хапнуть. Централы полные пацанвой, которые сдают друг друга. Например школьника хапнули с дозой и предлагают соскочить если сдаст другого нарика или продавца, вот и сдают своих друзей, одноклассников корешей а потом парятся в разных хатах но по той-же статье. Да и коррупция в полиции такая, что на нариках просто делается бизнес. Ведь курят, нюхают и ширяются детки не бедных родителей и если попался ребенок кричит маме с папой выкупайте, и выкупают. Тут случай рассказали на этапе, начал Могила.

– Короче в груженую хату (где хранится и распределяется взгрев из общака) из нариковской хаты кидают коня (связь между камерами, путем протягивания веревки, тюремная почта) с малявой на тему, мол пацаны от души просим взгрев из общего, нас 12 рыл и с куревом напряг. Братва в курсе всего во всех хатах и решила выделить бедолагам пять пачек сигарет, спички и даже чаю с сахаром кинули в придачу, загрузили коня и отправили. Так не прошло и нескольких часов, как заезжает второй конь из той же хаты, мол от души вам братва за подгон, но курево быстро закончилось, хотим предложить обменять домашние пирожки с мясом и клюквой на курево, родители напекли а мы обожрались уже. Подумали братки, обсудили и решили обменять пару пачек на пирожки. Загрузили коня и кинули, приходит ответка, байстрюки нахезали (насрали) в полиэтиленовый пакет и отправили обратку, мол еще домашними пирожками хезаем и поделились. Злости было, но что предъявишь молодым дурикам, главное с какой находчивостью подошли падлы. Все рассмеялись но пожурили малолеток за беспредел, тем более обманом из общего тянуть не по людски.

Напряжение немного спало и Ленин успокоившись молвил дальше про последнего арестанта, который видимо и не заслуживал никакого внимания, но обычай нужно соблюдать и довести до каждого новенького.

– А Рэмбо у нас хоть и самый сильный, с сарказмом произнес Ленин последние слова, но самый глупый и трусливый. Взрослый мужик вроде а как маленькое дитя, не знаю, не ведаю, друг попросил среди ночи отогнать крутую тачку, которая стоит заведенная на Парнасе (микрорайон Питера)

и Рэмбо без задней мысли срывается среди ночи, ловит тачку и едет в пункт А, где стоит мерин (Мерседес) на парах, лох Рэмбо даже не проверив есть ли документы на тачку, чья она, не ворованная ли, сел за руль несмотря на тот факт, что ключей в замке зажигания не оказалось а машина работала от замкнутых проводов искареженного замка.

Вот так и хапнули через несколько кварталов Рэмбо ОМОНовцы, побуцкали от души его и сообщили, что мерин в угоне и работает план-перехват, вычислили местонахождение тачки по маячку встроенный в противоугонную систему.

Типа подставили конкретно, но что-то тут не вяжется, или Рэмбо что-то не договаривает или где-то собака порылась, но дело каждого как сюда заехал и как отсюда выбираться, просто

парень четверых детишек растит, один меньше другого, перед заездом жена сына родила ему а он здесь, могли и на подписку отпустить да денег не было мусорам заплатить. Рэмбо хотел сказать в свое оправдание, что вся его версуха чистая правда только Ленин не дал ему сказать,

– Вот кто из нас всех, вот так не думая сел бы в паленую машину и поехал. После ритуального распития чифиря и презентации присутствующих, все как по команде разбрелись по своим шконарям (нары, койки) и занялись обычным на каждую ночь делом.

Годе сразу стал названивать жене со своего смартфона, у него была самая крутая труба в хате с интернетом и всеми причендалами. Горец достал свою трубу фонарик, обычная Нокия и то-же с женой общался. Барон стал готовить себе какую-то еду, он постоянно был голоден, благо с воли его грели хорошо и богато, видимо чтобы не сдал своих поделщиков да и в хате его жаловали только за богатый взгрев. Шкет лег спать, но как он засыпал в таком шуме не понятно, кто болтал, кто посудой гремел да и сторожевые собаки-кавказцы прямо под нашими окнами лаяли так, что уши закладывало.

Рэмбо прыгнул на верхнюю шконку и стал тихо молиться на сербском языке. Оказывается он серб по отцовской линии и интенсивно изучал сербский язык, чтобы иммигрировать из России со всей семьей.

Гонщик вымывал посуду и терся возле Барона, может перепадет и ему бутерброд с чемнибудь вкусненьким, его с воли не грели совсем, некому было, семья от него отреклась давно, даже по телефону отказывались общаться с Гонщиком, что такого может человек совершить по отношению к своим близким, чтобы они полностью отказались от отца, мужа, оказывается не так и много надо, просто заехать на срок и оставить семью без средств. Ленин оставшись наедине с Могилой предложил покалякать по душам и сыграть партейку в шахматы, чему Могила безумно обрадовался, его любимая игра, но по воле не было времени в шахматы резаться да и не было достойных соперников. Ленин как в воду глядел предлагая именно шахматы, на лице у Могила было написано, не игрок в азартные игры, интеллект не пропьешь и решительные черты лица не давали повода предложить другую игру, не интеллектуальную. Ленин достал из-под своего матраса шахматную доску и поинтересовался на каком уровне играет Могила.

– На любительском, ответил Могила и начал раскладывать фигуры.

– За хоршей игрой можно и покалякать о том, о сем, согласен.

– Почему и не покалякать, после такого угощения чифирком и сон не идет, в тюрьме мне не очень-то спится, лопнуть можно от безделья, ведь организм не устает совсем, так зачем ему сон и пища, так только для наращивания пуза.

– По тебе не скажешь что предрасположен к полноте, занимался на воле?

– Да и здесь стараюсь поддерживать форму. Расставив фигуры аккуратно, как на картинке Могила потер руки, ну начнем пожалуй. Ленин обратил внимание на аккуратность расклада фигур, ровные как по линейке ряды, кони смотрят вперед словно перед атакой и ценил достойного противника так, как сам был таким же.

– К бою, господа, первый ход Е2, Е4 Ленин пешкой пошел вперед.

Ленин прикрыл рот рукой и тихо проговорил.

– Я вижу ты не простой сиделец, будем говорить на чистоту и лучше без лишних ушей, незачем им знать наши разговоры, в этой хате я чалюсь четвертый год а до этого в Крестах, повидал разной публики и все о каждом в хате знаю. Тебя прочитал не совсем, сам расскажешь если что упустил.

– Расскажу, не в падлу будет, по жизни правильно шел и голову свою на плечах ношу не зря, боевой офицер, бывший, но сам знаешь, бывших не бывает.

– Вот этот факт меня и мучил, вижу воевал и смерти не однажды смотрел в глаза, заметно нашего брата, тихо еле слышно проговорил Ленин.

– Я то-же офицером был да весь вышел, в каком звании уволился?

– В лихих девяностых в звании капитана, майора получил уже на гражданке через военкомат. Воевал в Приднестровье в 1992 году и ранение там хапнул, в плечо снайпер залепил 7,62 мм., хорошо что на вылет и кости целые остались, потом Чечня, Балканы.

– А мне в бочину 5,45 со смещенным центром воткнули чехи (чеченцы) в первую чеченскую, так сука пуля дура разворошила мне правый легкий и выскочила через горло в рот, пробила язык и застряла в небе. На боку у Ленина Могила увидел знакомый рубец от пулевого ранения ничем не отличающийся от его рубца. Военные правила (доктора) одинаково штопают нашего брата. Ленин повернулся правым боком к слабому свету.

– Меня правила заштопал так, что через неделю я уже в Бендерах (город в Молдавии, Приднестровье) с полным боекомплектом по крышам скакал как сайгак, с ухмылкой покрывая рот ладошкой ответил Могила.

Ленин видимо вспомнил всю боль и страдания от ранения и его скривило и передернуло.

– Меня правили долго, полгода в госпитале провалялся, правого легкого у меня нет, сдулся, вот и живу и дышу на половину. Ранило меня в Грозном, уличные бои знаешь. Командира нашей группы тяжело ранило и я повалил его на плечи вынося из пекла, почти вынес, когда зацепило бочину. Вроде в броннике был да бок не прикрыт, вот и хапнул свинца. Хорошо вовремя обоих выдернули, командир погиб а я выжил чудом. Мне после госпиталя Звезду Героя России дали, да толку от этого мало. Сроку мне уже припаяли 24 года, по всем моим статьям пыжык (ПЖ – пожизненный срок) светил, вот и помогла мне Звезда не захватить на ПЖ. Суд присяжных заседателей смиловался, хотя прокурор просил ПЖ. Судили долго, много эпизодов и столько же терпил (потерпевших) до сих пор сужусь, уж шесть годочков, апелляции, кассации и прочая дребедень, но сам понимаешь без бабла не выскочу. Ленин притих а Могила пожалел что поднял эту тему.

– Ты не расстраивайся брат, может повезет и верхний «верховный суд» скосит из срока, потом амнистии дождешься, вроде скоро, ведь нашего брата по каждой амнистии проводят, и афганцев, и черныбыльцев, и участников боевых действий.

– Да нет, меня не прокатят по амнистии с особо тяжкими статьями, таких не берут в космонавты, как в песне поется, развеселился Ленин и сделал следующий ход на шахматной доске. Шахматная баталия длилась до самого утра, играли не спеша обдумывая каждый ход, куда спешить в тюрьме. В Питере зимние ночи длинные, рассветает только к часам 11 и в 16 уже темнеет. Ровно в 6 00 включили большой свет и вся публика дрыхла. Ленин с Могилой закончили игру под утро, спать так и не хотелось и подъема как такового в спец блоке не происходило, как в остальных корпусах. Вертухай не решались поднимать отъявленных сидельцев и камеры видео наблюдения не было, разбили, как рассказал Ленин, чтобы не подглядывали, кормушку открывали с опаской баландеры (разносчики баланды), боялись что швырнут в рыло сапогом. Проверку только в 10 утра проводили а не в 6 как у всех а после проверки выводили в тюремные дворики на прогулку, вот и ясным стал распорядок дня Могиле. Такой распорядок устраивал потому, что ночью можно общаться по мобильнику с волей и другими арестантами, утром до проверки после завтрака можно пару часов поспать, на прогулке заниматься физическими упражнениями для поддержания формы, ведь движение ограничено в тюрьме а остальное время до наступления ночи можно посвятить чтению. Этому Могила обрадовался, когда утром при свете увидел огромное количество книг под шконкой Ленина, оказывается оба до безумства зачитывались взахлеб любимыми литературными жанрами. Ленину больше нравилась фантастика и бестселлеры, Могила читал классику и детективы, исторические произведения обоим нравились.

Благо библиотека в Лебеде была огромная и обменивали прочитанные книги каждую неделю. Ленин поведал Могиле метод чтения сразу нескольких книг, две-три книжки разных жанров читаются одновременно, небольшими частями в 10—20 страниц, при этом хорошо запоминается прочитанное и тем временем тренируется память. Попробовав этот

метод Могила прибалдел и за уши его не могли оттянуть от чтения, плохо что в тюрьме ровно в 22 часа выключают большой свет и читать невозможно а настольные лампы или ночник запретка. Могила заезжая в спец блок думал о разном обороте событий, потому как отсидев в карантине 10 суток в условиях близких к условиям содержания животных в хлеве, представьте каземат 4х6 метров, каменный без облицовочной плитки пол заляпанный грязью, которую уже не соскоблить, горячей воды нет, грели воду в пластиковых бутылках на батарее отопления, хоть яйца помыть и зубы почистить, да миски после еды вымыть. Туалет без сливного бачка и приходилось смывать дерьмо из бутылки, главное камера видео наблюдения была и мусорам было легко за следить, чтобы в дневное время не спали и на шконках не лежали, беспредел чинили и на каждой проверке шмонали каждого.

Проверки проводились в 6 00 утра и после этого хрен ляжешь, Могила на все правила положил с прибором и мусоров на хую видал.

Вот и послал куда Макар телят водил старшего смены, когда тот попытался приструнить, мол днем на шконке не положено лежать, на что Могила спросил а на полу лежать можно, ведь он читал книжку а не спал, и тот видимо пожаловался начальству, посадить в ШИЗО (штрафной изолятор) не имели право с карантина, вот и определили в спец блок как склонного к нарушению режима содержания под стражей. Вот свезло, подумал Могила, а когда пригляделся в спец блоке мусорской закон не существует и сидельцам даже легче чалиться, условия людские, и вода горячая, и пол досчатый отчего нет сырости, вся сантехника работает, было бы по другому эти сидельцы могут Централ поднять на бунт. Так и потекла жизнь в своем тюремном русле, где Могила не чувствовал себя сильно ущемленным, просто лишили свободы а так жить можно, но одно не давало покоя ему, месть, все горело внутри от желания отомстить терпиле за его вранье и подлог. Ведь вся жизнь на перекосяк, бизнес пропал, жена не звонит и отказывается общаться по телефону и детям то-же не разрешает, квартиру описали и заберут, автобусы арестовали и поставили на штраф площадку, все партнеры по бизнесу в ахуе, просто хапнули и упрятали как в сталинские добрые времена, за простой поклеп в тюрьму, даже не разбираясь. Сколько продержат под следствием неизвестно а после еще и суды всех инстанций, не только все потеряешь а и сам потеряешься, но все это не о Могиле, он знал что выйдет из этой передраги и кто-то хапнет горя в десятки раз больше, его хорошо научили распутывать клубки по сложнее и разрабатывать такие операции, что дело заведенное на него просто пыль,

Могила не тот человек который прощает, если наступили на больной мозоль, жди ответку, ой жди. В нем с самого детства укоренилось чувство справедливости, правды и ненависти к тем, кто не гнушался этими принципами, за всю свою сознательную жизнь Могила не раз наказывал тех, кто пытался неправдой поиметь, завладеть не своим а чужим, не имеет значения чего, денег, бизнеса, положения в обществе. Было таких желающих не мало и после схватки с Могилой пропадали все, кто уезжал навсегда, кто в психушку прятался а после залечивался до беспамьятства, с разумом игрушки плохо заканчиваются и дуриком стать очень просто. 9

Вот и из этой ситуации Могила выйдет с достоинством а человек подставивший его под унижения застегнутых наручников, конвоя с собаками и тюремных казематов, должен ответить за зло, причиненное тому, кто по жизни даже по пьянке никогда не задерживали, он жил правильно и свое реноме в обществе зарабатывал достойными настоящего мужчины поступками, так его воспитали родители и мать всегда в наказ говорила, делай сынок добро людям и добром тебе вернется за все что ты сделал другим. Справедливость и двигала им в выборе профессии юриста ну а позже и в выборе места работы. На третьем курсе юрфака, где учился Могила повели студентов на экскурсию в местный Централ, проходя по мрачным проходам (коридорам) тюрьмы Могила хотел пообщаться с сидельцами, но экскурсовод, вертухай категорически запретил заговорить с кем либо, было время разноса баланды и Могила заговорил с баландером незаметно от остальных, это был интеллигентного типа мужик в грязном халате

и с явно еврейским лицом, лет сорока, первым вопросом Могила был за что тот сидит, на что тот ответил быстро не запинаясь, за спекуляцию в особо крупных размерах, купил партию ручных часов и перепродавал на рынке чуть дороже, хапнул за это 10 лет, в зону не поехал, здесь уже пятерик чалится и на УДО (условно-досрочное освобождение) тянет, Могила так задело за живое факт, что шел 1990-й год, кругом процветала кооперация, и повсеместная торговля, перепродажа всего, что пожелаешь а этот человек еще сидит и не известно когда откинется (освободиться). Сиделец не был озлоблен на систему, на время, на себя а философски заключил,

– Был бы повнимательнее и ОБХСС не задержала бы с товаром а так, сам лох и самому и расплачиваться. Вот с таким тяжелым осадком в душе Могила решил пойти работать именно в ОБХСС «отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности».

Следующая ночь наступила мгновенно, коротенькие зимние дни в Питере словно миг летят, не успеешь оглянуться и уже ночь, тем более привыкать к новой хате Могила не пришлось, все пришло само по себе, съел кашку на завтрак, поспал до проверки, на прогулке позанимался на турничке вместе с Лениным, хоть и. морозец на улице а прибавляет бодрости и свежести, в мозгах прояснилось и будущее как-то нарисовалось хоть и не в красках, но и не в черно-белых тонах, взбодрился и Ленин, но по возвращению в хату завалился спать, Могила наоборот не спалось и порывшись в книжках выбрал себе парочку неплохих детективов и за чтением не успел заметить как наступила ночь, вся хата дрыхла весь день и вечер просыпаясь только поесть. Только погас большой свет, Могила отложил книжку и повернулся на шконке к Ленину, тот уже раскладывал шахматные фигуры и подмигнув Могиле пригласил на очередную игру, видимо в хате в шахматы никто не умел достойно играть. Могила спрыгнул с верхнего яруса и плеснув холодной водой в лицо присел напротив Ленина,

– Сегодня я белыми играю, Ленин улыбнулся широко а Могила сделал жест что не стоит грузиться,

– Хороший игрок и безцветными играть может, Могила улыбнулся в ответ. Рядом с шахматной доской стояли две полные чаем кружки, конфеты и сушки.

– А это чтобы веселее игралось, оправдался Ленин увидев удивление Могила.

– Тогда к барьеру, господа офицеры, негромко сказал Могила покрывая рот ладонью.

Ленин хлебнул чая и намекнул, что готов Могиле рассказать о себе.

– Я расскажу о себе по тихому, нечего всем уши греть, меня как бывшего офицера спецслужбы засекрктили еще в 90-х, даже мусора не в курсах, подписку дал о неразглашении а ты взял и все испаганил, шучу. Родился и жил я в родном Питере на Лиговском проспекте, а именно за речкой Обводный канал, самый бандитский район Питера. Сколько себя помню был с уличной шпаной, дрались, бедокурили и конечно состоял на учете в детской комнате милиции, отец работяга побухивал и рано умер, мать пережила отца на пару лет. Братьев и сестер у меня нет и после смерти родителей переехал к тетке в область.

Уже в восьмом классе я стал сиротой, но у тетки долго не задержался, поступил в мореходное училище. Полное гос обеспечение и казарменный быт меня устраивал вполне, поят, кормят и одевают, что еще надо, только учись. Армию отслужил в морской пехоте на Дальнем Востоке, разведывательная рота вбила мне в голову как родину любить, ведь я никого не боялся и моя безбашенность была не подконтрольна а в армии это заметно, вот и постарались младшие командиры перевоспитать через вбивание во все части тела, ох и дубасили меня, но я не жалею, поумнел и остепенился.

После армии поступил в Государственную Морскую Академию а по окончанию ходил в загранку на торговом судне, только в начале 90-х долго простаивали без работы и зарплату стали зажимать а тут Чеченская войнушка началась, вот и решил я повоевать по контракту, взяли в спецуру (специальное подразделение). В первую чеченскую много друзей потерял,

но и много друзей приобрел, отчаянные, смелые ребята после войны уволились от разочарования в нашу доблестную армию, вот тут я и решил спецов без дела не оставлять. Организовал охранное агенство, дела шли в гору и костяк образовался, клиентами были в основном генералитет и чиновники, которые нанимали моих ребят телохранителями, с братвой не схлестывались а вот с ментами и силовиками были терки (разборки), так пришлось переквалифицироваться в бандосов (бандитов), наказывали обожравшихся генералов, чиновников отжимали добро и бизнес нажитый на крови наших товарищей.

– Кто же ты, Георгий, он же Жора, он же Гога, он же Гоша, он же Георгий Иванович, помнишь фильм «Москва слезам не верит». Ленин сделал паузу, видимо воспоминания о прошлом терзали его душу.

– Да помню, даже дочку Александрой назвал, как в песне про Садовое кольцо в конце фильма. Хорошее и доброе кино, заключил Могила на грустной ноте, вспомнив повзрослевшую дочь с которой последние пару лет только по скайпу общались. Ленин хлопнул его по плечу.

– Не грусти браток, сколько твоей дочке лет, спросил Ленин.

– Семнадцать в апреле исполниться, соскучился я за ней, любимая папина доця, когда маленькой была я ложился отдыхать а она залезет на подушку и начинала мне выщипывать редкие седые волосы на голове, аккуратно выбирала седой волос и дергала, так я и засыпал, счастливый и без седых волос. Могила расстроился немного и от горечи внутри сжал так зубы, что скулы свело. Ленин тем временем уже начал игру.

– Если не в падлу, можешь рассказывать все о себе, я умею слушать, может полегчает идет, спросил Ленин. Могила подумав согласился.

– Ладно дружище, только слово, все на чистоту и протянул свою руку. Ленин пожал руку Могиле и пообещал что все сказанное им будет от души и по честному. Так и начались откровенные рассказы друг другу двух во многом схожих судеб, которых судьба свела в таком не подходящем для дружбы месте, в тюрьме, но судьбе не прикажешь и не изменишь. Уже после нескольких лет Могила жалел, что не встретил Ленина до его посадки, ведь такого друга на воле у Могилы не было и видимо не будет. Могила не знал с чего начать свой рассказ и Ленин это понял.

– Начинай с самого начала, так будет проще тебя понять, Ленин решил подтолкнуть Могилу к началу рассказа.

– Может с конца моей никчемной жизни, зезжая сюда я потерял все, Могила расстроился.

– Конец у тебя в штанах болтается, то что ты называешь концом простая смена обстановки, с вольной на арестантскую и сколько нас мусора не крепят (пресуют) мы тем крепче становимся, смотри на вещи философски. Могила улыбнулся и согласился с доводами Ленина.

– Ладно, будь по твоему, терпения хватит слушать?

– Мы в тюрьме сидим брат, спешить не про нас, это на воле спешка и хлопоты а здесь времени валом. По хозяйски заключил Ленин и приготовился внимательно слушать рассказ Могилы глядя прямо в глаза рассказчику.

Все это вспоминал Могила по истечению пяти лет с момента знакомства с Лениным, сидя в мягком кресле своего офиса и попивая доброе Таманское вино, Саперави 1998 года, урожай этого года был отменным и вино прямо с винного завода доставлено, льется как масло и рубиновый цвет играет в бокале успокаивая душу. Три года тюрем и два года судов пропали не зря, все это время Могила боролся за оправдание по своему делу, чего и добился.

Прошел все видимые и невидимые преграды, все инстанции выигрывая от суда первой инстанции и до кассационной, не прошел поклеп терпилы и Могила наказал его за дерзость и ложь, отжал у терпилы бизнес, два ресторана не плохо раскрученных в родном городе. Хлебнув вина Могила тихо произнес:

– Где же ты Ленин бродишь, потерялся на просторах матушки России, не пишешь, не звонишь, аль мусора спрятали тебя в красной, прекрасной зоне, где-то в Карелии, как тебя разыскать пока не знаю, но попробуем и снова мысли погрузились в атмосферу Централа «Лебедь», которые на всю жизнь врезались в память, все пережитое в стенах тюрьмы нельзя стереть никаким благополучием и именно это заставило Могила стать жестоким и одиноким волком, который рвет даже своих. Одиночество стало для Могила нормой, когда-то веселый и жизнерадостный, вполне преуспевающий бизнесмен, всем улыбающийся, стал молчаливым и немногословным одиночкой, ни друзей, ни подруг, даже секретаршу не переваривает в приемной, кофе ему готовит бухгалтер Галина Ивановна, женщина пенсионного возраста и просто хороший сотрудник. За пять лет не жизни а существования Могила стал другим, полной противоположностью того Георгия Ивановича, который был до сидки. В семью он вернулся несмотря на возражения жены, детям нужен отец и об этом Могила спросил сына и дочку, которые сами могут решить нужен им отец или нет. Когда состоялся разговор с сыном он сразу согласился, чтобы Могила жил с ними, ведь сыну еще учиться и дочь тоже нужно поднимать а мать если не хочет жить с тобой со временем свыкнется. Так и зажили как добрые соседи с женой и как хорошие друзья с детьми, за все время судов и пересудов Могила трудился на небольшую зарплату в транспортной компании юристом, был исполнительным и добросовестным сотрудником, деньгами помогал семье по мере возможности и сам скромно на себя тратил, что нужно сидельцу, пачка сигарет в день, еда и шмотки, иногда бутылочка хорошего красного вина, подруг не заводил и с женой не имел интимной близости он научился сдерживать желания. Терпение и колоссальные усилия побороть одиночество в вольной жизни нелегко дается, но когда друзья о тебе забыли и при встрече начинают сочувствовать а подруги бывшие выскочили замуж и не замечают бывшего любовника, за которым ухлестывали стаями, невольно станешь волком одиночкой и ну всех на хрен, так решил Могила, будет для всех проще и легче, как говорится» баба с возу – кобыле легче. Теперь у Могила есть все, деньги, бизнес и вокруг снова начали кружиться стервятники, почуявшие запах денег, будут в друзья напрашиваться и стелиться как змеи, но это уже не про Могила, он прошел через предательство и побывал в забвении. Его дружба очень высоко взлетела в цене и бесценна для настоящего друга.

Глава 2 – ШАХЕРЕЗАДА ОТДЫХАЕТ

Централ ночью шумел как рой взбесившихся пчел, по проходам перекрикивались, в хатах стоял такой гвалт, что друг друга Могила и Ленин слышали едва. Громче всех разговаривал по телефону со своей возлюбленной Годе. Мат стоял жуткий, но зато не весь понятный, матюгался Годе на грузинском языке, потому шептаться двум сидельцам за шахматной доской не было смысла. Могила начал свой рассказ с момента как себя помнит.

– Родился я и вырос в небольшом южном городке, наш дом стоял на окраине, рядом с кирпичным заводом а улица заканчивалась на берегу озера, где водилось много карася. Половина озера проросло камышом и потому рыбалка в камышах была обалденной. Рано утром на накаченной камере от грузовика заплывали в самую гущу камышей и прямо под камерой, даже жерди для удочки не надо было искать, леску привязывали к указательному пальцу и так и ловили карася размером с ладонь, за пару часов пару килограммов рыбы. Мать ругалась, что надоело чистить карася а мы со старшим братом все ловили и несли домой. За маленьким озером было большое озеро, с зоной отдыха и пляжем, там вода была чистая а рыба не ловилась, зато раков было валом. Зато купание в большом озере всегда радовало ребятню, на берегу сколотили из досок огромный пирс-пляж и устроили песочницы с грибочками а на воде стоял деревянный ресторан Поплавок, где все лето подавали вкуснейшие шашлыки с жигулевским пивом. В зоне отдыха озера был еще небольшой лес типа посадки с плодовыми деревьями и акацией. Только чего там не росло, черешня, вишня, грецкий и лесной орех, абрикосы и дикие сливы, короче рай всего, ешь летом от пуза витамины на шару, что мы и делали. С малых лет люблю воду, убежал на большое озеро купаться с лет пяти, мать переживала и запрещала без взрослых ходить купаться а я что, слушался, брался за траву на берегу и плескался до посинения, дома лупили по заднице но все зря. Уже с тех пор я стал учиться хитрить, чтобы мама не застукала плескался без трусов, потому как трусы не сохли до конца и резинка оставалась влажной и мама потрогав резинку раскалывала меня, когда я врал что в воду не ногой. Без трусов тоже не получалось провести маму, плескался я у берега и муть из воды оседала мне на коже под подбородком, без зеркала этого не увидишь и я так заявлялся домой и опять спалился перед мамой. Плавать я научился уже к 7 годам, когда старший брат скинул меня с пирса а там глубина и я наглотавшись воды стал так быстро работать под водой руками и ногами, что меня легко вынесло на поверхность и плавать учиться уже не понадобилось. Плаваю как бог в разных стилях, когда подрос мечтал стать моряком и плавал целыми днями пока коровы паслись, Ведь у нас было большое хозяйство и несмотря на то, что папа инженер а мама медсестра живности вокруг дома было много. Корова, бычок, пару хрюшек всегда в хлеву и куча птицы, индюшек, гусей и уток. В семидесятые годы в маленьких городках обеспечение продуктами в магазинах плохое было, сколько себя помню в гастрономе на прилавках валялась дешевая кровяная колбаса и потроха куриные да консервы завтрак туриста и кильки в томатном соусе, а в хозяйстве всегда свое молоко, творог и сметана, яички и мясо. Прокормить было чем всю живность, вокруг колхозные поля и стянуть с колхозного поля не считалось воровством, брали у колхоза лишнее, ведь все общее в Совдепе было. Могила немного смутился.

– Мы с тобой одной крови, помнишь Маугли, я то-же моряк, Ленин добродушно дал понять, что еще одно сходство между ними образовалась. Могила удивленно поинтересовался.

– И в какие дали тебя носило товарищ Ленин и почему Ленин, в шутку перевел Могила свой вопрос.

Ленин нырнул на свой шконарь и достал кепку, прямо как у вождя революции, нахлобучил кепку на макушку и произнес голосом нечем не отличающимся от голоса самого Владимира Ильича Ленина.

– Товагици, геволуция свегшилась, уга товагици, уга. а.а.а...

– Похож как две капли воды и сходство, только козьей бородки не хватало а так все путем, Ленин много талантов в себе носил, мог бы работать на Красной Площади в Москве статистом для фотографирования с туристами на фоне Мавзолея, но эту идею Могила решил не озвучивать.

– К тебе то-же прилипнет погремуха (кличка) по ходу товарищ Георгий, Ленин скинул картуз и продолжил.

– В тюрьме и в других сидельных местах принято обратиться к обществу, браткам сидельцам со следующим:

– Тюрьма старушка, дай мне погремущку. И братва начинает называть разные кликухи, которая прилипнет и тебе подойдет, ты и выберешь, не всегда правда прилипает и держится, по жизни все может произойти, в тюрьме тем более, а некоторым погремуха и судьбу дальнейшую определяет. Лениным мне ходить по жизни всей, что прилипло намертво не оттянешь и не сотрешь, хоть и всей душой ненавижу совдеповскую систему, которая укоренилась в мозгах людей и не выходит эта зараза, какую страну сгубили суки, испаганили своей идеологией. Держат эту тухлятину (тело Ленина) в саркофаге напоказ, давно закопать нужно, ведь большевики не зря создали образ вождя пролетариата в виде верховного жреца культа коммунизма с отпечатками церковной христианской традиции поклоняться мощам. Нет логики и все обман, закоренелые атеисты поклоняются мощам, только не крестятся, потому как черти. Ленин заводился с пол оборота, когда дело касалось политики. Могила тормознул его пыл и продолжил свой рассказ.

– Согласен, но с твоего разрешения я продолжу. Так вот, пока был мальцом бедокурил по маленьку а когда подрос уже по взрослому косячил. В те времена пацанов манила как магнитом романтика улицы, воровские законы вбивались нам в головы старшаками и кто нарушал закон были в уважухе и с них брали пример. Первый поступок заслуживающий уважения у пацанов я совершил в классе пятом, после чего состоял на учете в детской комнате милиции. В зоне отдыха был небольшой зоопарк и я с братом ходили в цирковой кружок, нас еще дразнили, два брата акробата, один хрен, другой лопата. Летом кружок не работал а в зоопарк мы заходили через лаз в заборе, вход был платный а денег у нас не водилось, Лазили поиграться с маленьким медвежонком, которого выпускали на лужайку, в один из дней мы с братом влезли а с медвежонком уже резвились несколько ребятишек примерно нашего возраста, один из них был в классе восьмом, мы без задней мысли присоединились к компашке, но старшой начал буровить, мол зачем пришли и мешаем им. Всегда приставали к брату, хоть брат на два года старше меня а ростом меньше и драться не умел. Это была роковой ошибкой амбала и не успел он размахнуться на брата, как я уже его дубасил со всех сторон. Бей первым, это правило мне хорошо вбили в голову, когда учили драться. Когда начали сбегаться родители компашки, брат испарился а я остался возле лежачего хорошо побитого мной амбала, те хапнули меня и поволокли в милицию. В детской комнате милиции мариновали меня до самого вечера, фамилию я назвал чужую и имя то-же, тогда инспектор заподозрив неладное решил пойти к моим родителям. По дороге к дому я рассмотрел инспектора и увидев, что он при оружии и туфлях на толстой подошве решил дать деру (сбежать), сам я был в кедах и побежал в сторону кирпичного завода, бегал я неплохо, но мусоренок видимо спортсмен и не отставал. Заборы перепрыгивал как сайгак, но догнать не удалось, на кирпичном заводе спрятаться было где. На второй день инспектор явился к нам домой и после разговора с отцом сказал мне:

– Хорошо бегаешь и неплохо заняться спортом, похвально что сумел уйти от меня, ведь я разрядник по бегу и такой прыти не ожидал. Так он пообещал пристроить меня в спортивную секцию. За счет этого я стал авторитетом среди пацанов на нашей улице и в школе, записался в секцию по боксу и занимался усердно мордобоем. Драться научился а силы набирал плаванием, переплывал озеро в длину по несколько раз на день и меня заметил тренер по гребле, на озере была база гребцов каноэ а байдарки, предложил заняться греблей, тем более целыми

днями на озере, пока корова пасется и заниматься можешь постоянно. Мне по правде уже поднадоело боксом заниматься, тем более летом только греблей и занимались, остальные секции на лето закрывались вот и записался, рядом с домом и тренер видно неплохой мужик, почему нет.

Тренировки проходили три раза в неделю по три часа, но для меня этого времени было мало и я попросил тренера дополнительно заниматься и тот дал ключи от базы, все лодки хранились на улице а весла внутри, так я мог целыми днями и даже в выходные заниматься интенсивно вот и накапливал силенки и добился неплохих результатов, к четырнадцати годам уже достиг КМС-а, кандидата в мастера спорта. Зимой на озерах расчищали поле для хоккея, устраивали матчи между районами, городок был поделен на четыре района и в каждом была своя группировка пацанов, иногда дрались между собой на дискотеке и чтобы мерить силы не в драке а на льду, устраивали дружеские матчи, где призом были несколько килограммов леденцов. В хоккей я играл очень даже неплохо, когда отец привез из Москвы коньки и клюшку из пластика наша команда всегда выигрывала, такие трюки вытворял, я со своей клюшкой мог с пяти шагов попасть шайбой между глаз вратарю.

Интересно детство прошло, но дрались много и часто, такие времена были и первый раз я взглянул смертушке в глаза в восьмом классе. На нашей улице все пацаны почти одного возраста были, разница может год-два, из пятнадцати домов набиралось 12 пацанов, которые умели биться и друг за друга как за брата. Вооружение у нас то-же имелось, каждый имел кастет собственного производства, плавил олово и лили в специальных формах. Цепи и куски арматуры, финки сами растачивали из рессор, самопалы всегда заряжены шариками из подшипников, эбонитовые нунчаки и просто дубинки из орешника. Все вооружение каждый ныкал сам а при случае вооружались быстро. Дрались чаще всего с центральными или заводскими, наша группировка насчитывала человек 60 и называли нас переездовскими, потому что жили за железной дорогой а собирались на железнодорожном переезде и сборы всегда приводили к драке. Дрались по дальше от милицейских глаз стенка на стенку и в ход шло все вооружение. Вот в одной из этих драк в меня со спины выстрелил кто-то из самопала и шарик попал ниже левой лопатки, боли я не почувствовал, только горячий толчок сзади и в груди похолодело, в башке помутнилось и я вырубился. Первая моя пуля, хоть не настоящая а пуля. Приходил в себя тяжело, пацаны отволокли меня к озеру и обливали водой а я в кумаре плыл, как сейчас помню воздуха не хватало и я старался выше поднимать подбородок и набирать полные легкие воздуха. Пацаны потом рассказывали, что струхнули и подумали я кони двинул, только рот открывал и дышал тяжело, хрипел. Придя в себя я хотел вздохнуть глубже но резкая боль под лопаткой тормознула мой порыв. Синяк на спине огромный образовался и ребра сломаны были, потому дышал я целый месяц через раз и пукал через два раза, короче отходняк поймаю конкретный, вот с тех пор в меня постоянно стреляют и попадают, но пока слава Богу жив и смертушки с того случая не боюсь. Целый летний месяц ходил в футболке и старался на людях не раздеваться, купался вдали от всех и только плаванье придавала бодрости и силы возвращались, не зря говорят, вода чудеса творит, так оно и есть. Могила так увлекся рассказом что на какой-то миг оказался на своей улице в окружении пацанов, некоторые из них уже давно ушли в мир иной и взгрустнул, поднял глаза и оглядевшись запнулся, ведь он в тюрьме и подумал, отчего именно ему пришлось пройти унижительные процедуры задержания и ареста.

По специфике своего бизнеса Могила много путешествовал по старушке Европе, занимался международными пассажирскими перевозками. Удивило его работа и отношение к своим обязанностям полицейских, там органы правопорядка помогают своим гражданам, в Чехии девиз полиции «охранять и помогать» чем они и занимаются. Однажды возле станции метро в Праге Могила наблюдал за европейскими бомжами.

У входа в маркет трое бомжей распивали вино из тетрапаков и одному из корешей пошла кровь носом, видимо давление подскочило у бедолаги, тот размазывал соплю по лицу когда в миг к ним подошли двое полицейских.

Могила наблюдал с любопытством сцену вероятного задержания нарушителей общественного порядка, только не случилось того, чего ожидал увидеть.

Один из полицейских достал ватку и соорудив тампон стал вытирать страдальца тем самым давал нюхать из флакончика нашатырь, другой вызвав по радиации скорую помощь придерживал голову страдальца лицом в верх дабы кровь остановилась, через минуты три уже была слышна сирена скорой а в это время подошли еще трое коллег полицейских и к приезду скорой взяли на руки пациента и понесли навстречу медикам, двери скорой распахнулись и пациента положили оккуратно на носилки. Наблюдая эту идилию Могила представил все происходящее в Москве, подъезжает задрипаный УАЗ-ик, из него выскакивают два лысых сержанта с тупыми мордами и с автоматами на перевес, пинками и скручиванием рук за спину грузят всю компашку в воронок и увозят в отделение, где еще попинают от души, за ночь в КПЗ (камера предварительного заключения) не выпустят в туалет и клиенты обосуются прямо в штаны а утром протрезвев выпишут штраф и может быть отпустят а может и нет. Попробуйте представить удивленное лицо Могилы, он был в глубоком ахуе, происходило все в 1998 году, когда милиция у нас беспределом занималась

Да именно унижение человеческого достоинства и есть цель нашей доблестной уже полиции, задержали Могилу банально, оказалось он уже целый год был в розыске и за все это время выезжал сотню раз за пределы России в Европу, на границе могли хапнуть да если бы он прятался, то давно осел в какой нибудь Швеции или Чехии по фальшивым документам. В России паспорт подделать стоит пятьсот баксов и в нагрузку еще и водительское удостоверение дадут, но Могила не хотел менять свою сущность и попался на нарушении ПДД (правил дорожного движения) на Большом проспекте в Питере, зеленый лейтенант пробил по базе данных и надел наручники, единственное за что спасибо мусоренку, разрешил позвонить друзьям, чтобы забрали машину, не гнать на штраф площадку, ведь потом не выдернуть оттуда сидя в тюрьме, да и мороки не оберешься, вызывать в тюрьму нотариуса, оформлять доверенность и еще заплатить за штраф площадку, кругленькая сумма нарисовывалась, а так забрали и забыл. Привезли в одно отделение на Петроградке, откатали пальцы и оформили задержание, пока писали рапорта я позвонил жене и обрадовал, что закроют и на долго. Жена была в курсе что подстава, но сильно расстроилась, потому как финансирование на этом заканчивалось и пока суд да дело придется самим справляться, слава богу сын уже взрослый 25 лет и работает а дочка еще учится, вместе с сыном вытянут ситуацию. Семья осталась на югах а Могила подался в северную столицу, где неплохо раскрутил транспортный бизнес по перевозке туристов в Питеру и по Европе, возили питерских туристов до Таллина а паромом в Швецию и Финляндию. Были наработаны уже партнеры и постоянные клиенты а тут на тебе, одним махом все коту под хвост. Из отделения полиции повезли в прокуратуру, где заместитель прокурора Петроградского района, женщина лет сорока с очень милыми чертами лица заявила, что Могила уже больше года находится в розыске по уголовному делу о мошенничестве в особо крупных размерах, пока проверяется запрос прокуроров с места совершения преступления и нарушения подписки о не выезде.

Все это сказки про белого бычка и ареста не миновать в такой ситуации, Могила понимал, что менты занимавшиеся расследованием дела продались с потрохами за пару порций шашлыка и бутылку коньяка, ровно столько стоит засадить невинного человека в тюрьму, дурное дело не хитрое а подлецы этим пользуются, несколько рапортов от участкового о том, что подозреваемый отсутствует уже долгое время, хотя никаких повесток даже не думают писать, мол был, никого небыло дома, соседи сказали что уехал, вот и все что нужно чтобы объявить в розыск. Потерпевший имея два ресторана прикормил ментов и чувствовал себя защищен-

ным и прикрытым, но горько ошибался, продажный мент первым и нагадит и подставит при первой же возможности.

Могила усвоил это еще будучи зеленым опером, наставник учил быть очень внимательным при разработке операции если поблизости нарисовался мент, жди подвоха и возможность провала.

Прокурорша не вдаваясь в подробности, дело не на ее территории и оформила задержание на двое суток. отправив Могила в соседнее отделение полиции, вся процедура задержания повторилась, пальцы, обыски и протоколы с рапортами и в кутуску, весь день катали в наручниках, шмонали раздевая до гола и заставляли приседать и жопу показывать, не спрятав ты там бомбочку. Без еды и питья Могила провел сутки в КПЗ (камера предварительного заключения) по закону в ней полагается содержать задержанного не более трех часов, на следующее утро наконец вывели в туалет а после решили завтраком накормить. Лысый сержант с тупым лицом принес запаренную лапшу в пластиковой тарелке и бросив на лавочку произнес.

– Кушай давай, на что Могила спокойно и вежливо высказал.

– Ты сержант руки мыл перед тем как вскрывал пакет и запаривал баланду, перед тобой офицер полиции и убери вон свою стрепню, меня должны содержать 48 часов в ИВС (изолятор временного содержания) а у вас не более 3 часов, так что я объявляю голодовку и в течении часа сообщите прокурору. Сержант поморщился и с отвращением ответил.

– И что теперь козырять перед тобой.

– Мы с тобой сержант гусей не пасли и вроде не бухали вместе чтобы мне тыкать, когда на меня шинель шили, на тебя хрен..., дальше сам додумайся, зови прокурора и пожалуйста дайте мне стакан воды, вежливо попросил Могила не договорив. Когда в 1990 году Могила звание лейтенанта получил, этого выродка еще и в помине не было. Сержант не посмел дальше полемикой заниматься и ретировался докладывать дежурному. Дежурный, толстый майор в грязной не глаженной форменной рубашке выскочил как ужаленный из дежурки, такой шум поднял, что сбежались прибывшие на службу опера и стали шумно обсуждать поведение задержанного. Воды все-же принесли, Могиле голодать было несложно, часто приходилось обходиться без пищи, на войне, в засадах да и если заразу какую цеплял голодал просто для лечения, голод хорошо лечит, но воду надо пить при голодовке, без воды долго не поголодаешь. Первая длительная голодовка излечила Могила от хронического гастрита, который достался из армии и почти все страдали этим не дутом после службы в Советской армии, кормили солдат комбижиром, жир полученный из нефти, гадость неопикуемая но жрали комбижир чтобы выдерживать нагрузки. После небольшого шума и споров вывели Могила из камеры, быстро оформили перевод в ИВС и инцидент был исчерпан. Свои права надо знать и по мере возможности заставлять ленивых и забывчивых сотрудников полиции выполнять свои обязанности с честью и достоинством, только этих качеств увы у большинства отсутствуют. ИВС находилось во дворе комплекса из трех зданий с общим двором, в одном здании находилась прокуратура, во втором отделение полиции а во дворе ИВС. Могила повезли на воронке с застегнутыми сзади наручниками, мол знай как выкаблучиваться, конвойные полицейские прямо звери, все запугать пытались, при попытке к бегству расстрел на месте, но Могила был спокоен как удав и не собирался бежать.

Хотелось поскорее пройти формальную процедуру ареста в суде и оказаться подальше от озлобленных ментов, в СИЗО «следственный изолятор временного содержания» где не тот беспредел, что творят в полиции, да и вертухаи ФСИН-овские «Федеральная служба исполнения наказания» бояться как огня прокурорского надзора. Могила быдла на своем веку повидал много, но его до мозга и костей задевала невоспитанность нынешних ментов, его учили другому наставники и коллеги по отделу а тут ему самому пришлось пройти унижения от полицейских, если бы Могила задумал бежать, отключить пару ментов его научили в спецподразделении ОМОН, натаскали так, что убить мог одним точным ударом ниже уха.

Могила взглянул на Ленина и помотав головой отбросил противные ему мысли и продолжил,

– Извини брат, я немного задумался, о чем это я, ах да о смертушке, впервые я своего жмурика (трупа) заделал в 1990 году, после окончания третьего курса было уже совсем невмогуту тянуть семью, работал в трех местах, жена на декретном с трехлетним сыном, на занятиях после дежурства сторожем засыпал на ходу и ни хрена в голову не лезло,

тогда решил перейти на заочное отделение и подался в милицию.

Мечта была опером, но мест не было и прошел в ОМОН, получил звание младшего лейтенанта и отделением командовал, ребята все сорвиголова и на заданиях не трусили, уже тогда по рукам ходило много оружия, кооперация только начинала процветать и мы дежурили в районных отделах боевыми парами для усиления опергрупп. На одном из таких дежурств поступил вызов, что на объекте мужчина раненный заблокирован между решеткой и входными бронированными дверьми. Пока опера собирались я в паре со своим бойцом Русланом побежали к месту, оно было в двух кварталах от районного отдела. Подбежали к пятиэтажному зданию в торце которого в полуподвальном помещении находился склад, оказалось что кооператив торговал телевизорами и днем раньше продали крупную партию и все бабки миллиона два деревянных двое вооруженных гаврика хотели хапнуть, директор кооператива крепкий мужичок весь в крови наполовину висел на решетке запертой изнутри на гаражный замок, он был еще в сознании и держал большой баул набитый деньгами. Между решеткой и входной дверью был тамбур, который был залит кровью, мужичок увидев нас только и успел сказать, что бандиты внутри, его ранили в живот но он смог отбиться и закрыл гавриков внутри а те подожгли склад, из щелей валил сизый дым. Прострелить замок мы не могли, опасались чтобы рикошетом не задеть мужичка, тот вырубился а ключей нигде не оказалось да и как ключи искать через решетку. Приехала опергруппа, тросом зацепили решетку к УАЗ-у и выдернули, мужичок к тому времени уже не подавал признаков жизни, оттянув его и передав операм сумку с деньгами мы ломанулись вовнутрь, ключи от двери оказались под мужичком, открыли и выдвинулись одной парой, опера побоялись сунуться. Все помещение было задымлено, горела тряпка а не пластик или картон, прорываться собирались с боем и под дымовой завесой. Склад был огромный и засечь за каким углом они прячутся невозможно, тогда я крикнул,

– Работает ОМОН, бросить оружие и выходить с поднятыми руками, в случае сопротивления будете уничтожены. Ответом был грохот АКС 7,62, в закрытых помещениях грохочет как 120-ти миллиметровая пушка. Бой был коротким, моя очередь попала стрелку в живот и перебило позвоночник, так его и сложило вдвое, второй вообще кинулся на нас с отверткой, но пуля в грудь его остановило. Первый сразу крякнулся а второй по дороге в больницу скончался. Мужичок то-же не выжил, он оказался директором фирмы, тот с отверткой, его компаньон а стрелок из братвы, видимо бабло не поделили, или компаньон навел на товарища а куш был полмиллиона зелени, что было то было.

После этого Руслан уволился а я до сих пор помню его глаза, полные ужаса смотрел он на хрипящего раненного и сложившегося вдвое мертвеца, пацан совсем, мне было 23 а ему 22 года, везде кровь, на стенах, на пустых коробках, на столе и на стульях а сладковатый запах этой крови смешанный с гарью сгоревших тряпок так и стоит в горле комом. Отписываться в прокуратуре пришлось долго и муторно, ну не хотели мы мочить этих гавриков но если в меня стреляют, бей первым. Они наверное были обдолбанные (под наркотиками) оперативники нашли использованные шприцы, ведь нормальный человек не поперет на ОМОН, может не поверили, может знали что ломится им вышак «смертная казнь» в те времена еще не было моратория на вышку. Могила от дурных воспоминаний скривился а Ленин пошутил,

– Ну ты брат душегубец, работа у тебя была такая и не терзай себя этим. Своих жмуриков (мертвець) я не считал, было их немало и на войне их не считаешь, некогда об этом задумываться, но первого помню хорошо.

В Грозном в первую волну в нашей разведгруппе снайпер работал а мне жуть как нравилось из СВД-эшки «снайперская винтовка Драгунова» стрелять, чехи (чеченские боевики) прятались в бункерах и в затишье между перестрелками передвигались перебежками между зданиями, нам пока раскрываться не было смысла, но во мне была такая ярость и злость на этих гадов, положили много ребят суки, танки жгли как спички, вылезали из люков канализации и из гранатаметов жгли.

Какой дебил дал приказ танки в город вводить не знаю, но пацанов на мясо пустили, вот и не выдержал, выпросил у Володьки винтарь и присмотрел цель, бородастый чех за бетонной стеной полуразрушенного дома перекрикивался с другими чехами из соседнего здания и я понял, побежит к своим, навел прицел и стал ждать, когда чехи начали палить во все стороны прикрывая своего чех побежал, перебежками виляя из стороны в сторону, не помогло, пуля вошла ему в ухо. Меня натаскивали в спецшколе на снайпера и стреляю очень даже не плохо, но мой вспыльчивый характер не для снайпера и прятаться я не люблю. Потом ложил гадов пачками, совсем не жалею и совесть не мучает, положил-бы больше да подстрелили и списали как утиль. Ночь пролетела как один миг и партия сыграна, пора и отдохнуть, Ленин поднялся и уже при большом свете Могила заметил, что нездоровится ему, уставшие и покрасневшие глаза говорили о надвигающейся простуде, тело и дух Ленина были сильными а вот организм в тюрьме ослаб, иммунитета к разным болячкам никакого, нехватка движения и просто кислорода, витаминов за шесть лет сидки сделали свое дело. Могила пожалел по человечески и подумал с грустью, ведь Ленину еще 18 годков сидеть, что с ним будет после, доживет-ли с одним легким и ранением до конца срока. В тюрьме лучше не болеть, правила никакие и для них сиделец не человек а букашка, можно не те таблетки дать, а можно вообще не дать, подыхай себе, хоть и простуда, но температуру надо как-то сбросить, жаропонижающее прописать и прокапать в нос, для укрепления иммунитета препарат выдать, двадцать первый век на дворе а в тюрьме кроме парацетамола ничего нет. Вот и глотал пилюли Ленин и во сне с температурой под сорок постанывал и скрипел зубами, пил чай некрепкий и только на пятые сутки его немного отпустило. За время болезни Ленина Могила понимал, что товарища домагать нельзя и попытался научиться спать по ночам, плохо получалось, целыми ночами лежа на шконке впивался взглядом в свод потолка и каждую минуту прежней жизни проворачивал в мозгу. Много ошибок было совершено, но не ошибается тот, кто ничего не делает.

Понимая состояние товарища, Могила тем временем воспользовался возможностью узнать подробнее об остальных сидельцах, которые в свою очередь рады были поделиться своим сокровенным, свободные уши в тюрьме как дар и пообщаться никто не против. Первым собеседником стал Шкет, сам завел разговор о своей жизни и делюге по которому чалился. Могила был не против и ночью предложил Шкету почаевничать и пообщаться.

Шкет был бывалым сидельцем и имел несколько ходок, только сидел он не в России а в Европе, две ходки в Германии и одна ходка в Польше, с девяностых то-же бизнесом занимался, сам небольшого роста, но крепыш лет 50-ти производил впечатление образованного мужа с огромным жизненным опытом, видимо хапнул горяшка и не единожды побывал в заварушках и разборках, разговорились и Могила как новенький вкратце обрисовал свою ситуацию и причину его заезда в Централ, Шкету это было достаточно и начал свой рассказ.

– Мы с тобой коллеги по статьям и возрастом почти ровесники, тебе сколько годков, спросил он Могилу.

– Мне 47 лет, что не похож, спросил Могила.

– Не похож, значит хорошо сохранился и на сороковник не тянешь. Шкет не льстил Могиле, так оно и было, подтянутое и тренированное тело, без отложений и скаладок выдавало здоровый образ жизни. Шкет сверкнул маленькими глазенками.

– Я не питерский, приехал в восьмидесятых годах на заработки и так и остался, в те времена Питер совсем другим городом был, в 1987 году братки крепко держали город и мусора

носа не высывали, поработав на стройке меня такая перспектива не устраивала, вот и познакомился с нужными людьми, как видишь силенками я не наделен а ума хватало на разного рода пикантные делишки, меня заметили и оценили мои способности, так я начинал не очень легальный бизнес, таскал контрабанду из Европы, выезжал в разные капиталистические страны и закупал товар, сначала Польша, потом Германия, Турция и т. д. и т. п.

Все провозили через порты и все шло как по маслу, бабло рубили мешками, дом прикупил, женился и своих братьев притянул сюда. У меня в семье 8 братьев и одна сестра, все здесь в Питере. До 1998 года все шло хорошо, все поднялись и стали на ноги, квартиры, машины и все остальное, пару магазинчиков открыли и на тебе дефолт, бабки обесценились и потеряли мы почти все, Надо было выбираться из дерьма, стали гонять подержанные машины а в этом бизнесе в Германии одни русские и без криминала не обходилось. Ворованную тачку наши же и всунули, меня хапнули на немчине, эта моя первая ходка. Два года чалился и не представляешь в каких условиях, в тюрьге отель трехзвездочный, кормежка ресторанный и не поверишь, утром вертухай подавал поднос с натуральным кофе, круасаном и стаканчиком сока, также приносил меню для выбора блюд на завтрак, так как все поданное считалось аперитивом. В хате все как у белых людей, телевизор, холодильник, санузел с душем. Кореш огляделся и с презрением фыркнул.

– А здесь бадыга и обрыгаловка, хотя и не по людски так выражаться, ведь нам в этой хате жить, за державу обидно. Богатая и вроде процветающая страна Россия а в тюрьмах вроде и нелюди сидят и условия как для животных, из техники электрический чайник и кипяtilьник, на дворе 21-й век. Как там Ленин, что с ним, может что затянуть нужно, лекарства не разрешат а из продуктов можно придумать. Могила подумал, что на воле такой заботы не встретишь от постороннего а в тюрьме совсем другое и не в воровском законе писаны правила, просто люди оказавшиеся в беде, брошенные и забытые всеми и отторженные обществом, добрее друг к другу и делятся последним.

– Ленин крепыш снаружи и дух сильный, но ослаб он в тюрьге, иммунитет слабый, ему витаминов надо, фрукты, овощи, лимончик погрызть и оклемается.

– Так я брякну «позвоню» своим и затынем витаминов и Годе подговорю, чтобы затынул витаминчиков,

– Эй Годе кончай на бабу свою материться, подойди, есть разговор. Годе послушно отключился от разговора с женой и кинулся к шконке Шкета.

– Слухай сюда братка, обратился сурово к Годе. Нашему брату плохо и нужна помощь.

– Чем могу брат, Годе с интересом смотрел на Шкета.

– Твоя благоверная когда соберет дачку «передачу», маякни чтобы лимончиков, апельсинчиков и овощей каких нибудь для салата, ах да, укропчика и петрушки, зеленого лучка. Я понимаю, на дворе февраль месяц и все дорого, но спасти нашего брата дело святое, заключил Шкет.

– Базара не услышишь брат, с грузинским акцентом парировал Годе. Завтра все будет, уже звоню жене и удалился на свой шконарь.

– Вот еще что, обратился к Могиле Шкет, тебя хапнули при костюмчике и не место здесь для такого прикида, сейчас мы тебя приоденем из общего бондяка (сума, баул) и достал из под своего шконаря огромный баул набитый вещами, обувью, мыльно-рыльными принадлежностями, порывшись, достал спортивный костюм и кроссовки, футболку и резиновые тапки. Все было новое и муха не сидела, Могила сначала хотел отказать, мол не из бедных и пока может обойтись и без этих вещей, на что Шкет даже не стал слушать и сказал строго.

– Это от братвы и от души, так положено, из бондяка выделять, сегодня тебе братва дает а завтра, если сможешь сам положишь в общее, дело святое. Пацаны которые на зону едут много вещей оставляют, там ведь робу таскать а вольные прикиды пропадут в вонючих подсобках, зачем пропадать, когда лучше братве от души оставить и другим помощь. Ты примерь

и не возражай, в хате в глаженных штанах не ходят, это для этапа или на суды ездить. Могила не стал возражать и поблагодарил Шкета и всю братву за подгон, переодевшись заметил, все как на него было сшито.

В этих вещах Могила и чалился весь срок и когда откинулся не стал выбрасывать, хоть и были уже поношенные и протертые по этапам и централам, постирал и хранит до сих пор, напоминание о прожитом среди настоящих людей а не вольных блядей. Шкет взглянул на переодетого Могила и воскликнул,

– Ну ты красавец, прямо шас на гульки можешь тятать, да дверь заела и замок не открыть, придется потерпеть брат, пока мусорки не выпустят, шучу.

– Нормальный прикид, поддержали остальные Могила. Не ожидал он такого теплого и дружеского отношения от сокамерников, но как говорить не место красит человека а человек место, всегда добрый в душе Могила протягивал руку помощи самым разным людям, даже не задумываясь о какой-то выгоде, воспитание и перипетии жизни не озлобили, не проникла гниль в душу, хотя многие, кому помогал Могила по воле, просто плевали ему в душу в место благодарности, но и эти моменты не расстраивали и принципы менять не приходилось. Вот и в этой хате не пришлось никому ничего не навязывать, потому как его приняли как родного и делились всем от души. Все в хате было общим и никто не шухерился «прятался» от всех или чтобы крысить (красть у своих) что от братвы, это запахло в людской хате. От таких раздумий оторвал Шкет, которому не терпелось рассказать о себе и подозвал Могила присесть на шконарь.

– Я мастерить люблю разные безделушки из хлеба, так время убиваю и не замечаю как летит, телека здесь отродясь не было, в других корпусах разрешают затянуть а в спецблочке нет, читать я книжки не любитель и в школе троечником был а слепить из хлеба четки запросто слеплю и сажай покрашу, он достал из коробочки заготовки. Могила присмотрелся и ахнул, такие формы и даже инкрустация на четках из мякоти черного хлеба просто произведение искусства.

– Да это шедевр, воскликнул Могила и присмотрелся, на каждой четке был изображен герб из двух переплетенных букв и что удивило больше всего, что на каждой были одинаковые рисунки с обеих сторон.

– Как так умело ты перерисовал один и тот-же рисунок, с такой точностью и что за геральдика. Шкет оживился.

– Ничего сложного, когда времени валом и не такое сделаешь. Шкет мог расположить к себе любого, было в нем смешанная доброта и отцовская забота, из-за отсутствия в его жизни своих детей, а был он женат несколько раз да Бог не дал быть отцом, воспитывал сына последней жены, но вскоре развелись и жил бобылем Шкет уже долгое время, любовниц имел разных и для кого спрашивается построил дом на таллинской трассе, недалеко от Питера, где дорогая земля и дома по цене самолета. Позднее Могила убедился, что есть прирожденные мошенники, кем и являлся Шкет, этот кадр мог развезти и уговорить столб.

– Я уже год чалюсь а делюга не двигается с места, меня хапнуди в Германии и экстрадиция затянулась на полгода, привезли до дому, до хаты, но расследование затянется еще на пару годков, терпила моя из татарстана и не очень в кайф ей ездить в Питер на следственные действия а мои подельники все на меня валят. Мы кинули не банк а вкладчицу, моя подруга работала в банке оператором и имела доступ к данным вкладчиков, разговорились за порцией шампанского с сексом о нелегкой участи банковских работников и как любая баба, завидующая богатеньким теткам разболтала о вкладчице из Казани, которая держит в банке кругленькую сумму в 8 миллионов и раз в год приезжает для снятия со счета процентов.

В голове у меня сразу созрел план, ведь татарка была примерно нашего возраста, около 50-ти лет и для подруги не составила труда достать копию паспорта терпилы. Дальше дело техники, мой товарищ Володька то-же любитель с бабами гулять, кадрил блядей как семечки луз-

гал, менял их как перчатки и когда я ему рассказал про мою делюгу он с удовольствием взялся за кадрить бабу с похожими портретными данными татарки, тем более ничего особенного в ней не было, баба в пятьдесят лет не блещет красотой.

Могила внимательно слушал и не перебивал рассказ глупыми вопросами а Шкет оценил слушателя и продолжил.

– Не долго пришлось ждать, подходящую мордашку и по комплекции телку Володя зацепил уже через неделю, конечно поухаживал за ней на мои бабки, кафе, рестораны, цветы и подарки, влетело мне в копеечку, но не жалко было, ведь, чтобы что-то поиметь надо и потратиться. Пронырливой оказалась кошолка, даже уговаривать не пришлось, когда деньгами запахло немалыми сразу вызвалась в поделньики. Паспорт я сварганил на Любу, так звали новую пасию Володи и немного проинструктировал ее, повадки богатенькой тетки у нее напрочь отсутствовали, но небольшой кастинг с посещением нескольких банков, под предлогом вкладывания на депозит денег дал свой результат.. Приодеть в приличные вещи и вульгарно накраситься научить взялась моя подруга, так что получилась картинка похожая на нашу терпилу. Могила не стерпел и спросил.

– Что так о женщинах нехорошо отзываешься, много насолили?

– Да ну их к черту, все мои несчастья от баб и происходят. Если мозгов нет у женщины и думает только своим передком, то жди беды, или забухает, или загуляет и к гадалке не ходи, хрен ее остановишь, вон видишь как Годе свою материт целыми ночами. Его жена была бомжем и алкоголичкой, он ее из грязи поднял и поставил на ноги, так она вместо благодарности, пока он чалиться уже побухивать стала. Шкет с грустным видом запнулся.

– В России беда с женским алкоголизмом, очень опасная вещь, не дай Бог и врагу не пожелаю, все от некачественного алкоголя, пива натурального нет уже не говорю о культуре питья, ведь пить качественное вино а не мешать бадяжное пиво с водкой для здоровья полезно. А женщины верные и преданные нам как воздух необходимы, может ты Шкет не встретил еще такой женщины, так все еще впереди. Могила наивно верил, что после тюрьмы, хоть одна из многих его женщин дождетя, горько ошибался и вскоре убедился, что уже через полгода самая верная подруга, которая больше 10 лет была любовницей и толковой помощницей, нашла себе другого хахалю и даже не удосужилась сообщить и извиниться. Алена была евреечкой и встретились они в поезде на Варшаву. Могила ездил в Польшу по делам а она на работу, танцевала в кабаке и фигурка была как у богини.

Дело было летом 1999-го года и в купе оказались одни, Могила пригласил Алenu в вагон-ресторан и распивая красное южное вино под стук колес расспросил о жизни и планах на будущее. Грандиозных планов Алена не имела, сожительствовала с толстеньким еврейчиком, который кроме дивана и телевизора ничем не интересовался и мечтал поскорее уехать из долбаной России в Германию, где можно хорошо жить на пособии по безработице. Сам хоть и был директором разваливающего небольшого предприятия зарабатывать не умел или не хотел, раз подруга зарабатывала работая в кабаках танцовщицей, но таков был характер Алены, не зависеть от других, воспитывала сына и не гнушалась такой работы. В ресторане готовили похабно но вино было отменным, Могила пил сухое Каберне – Совиньон а Алена полусладкий Кагор, немного охмелевшие после ужина оба желали только одного, уединиться и предаться страстному совокуплению двух молодых и горячих тел. На небольшом полустанке Могила у бабушек купил фруктов а в ресторане прихватил еще бутылочку вина в купе. Тело Алены соскучилось по мужским ласкам и она слепо отдалась Могиле сразу, еврейки страстные и ненасытные женщины, умеют любить горячо и ненавидеть так-же.

Она ненавидела своего сожителя за его лень и пессимизм а Могила уверенный и сильный дал ей надежду на новую жизнь, новую любовь и страсть, которая была частью ее, но не всякий может раскрыть эти качества у женщины и многие остаются всю жизнь фригидными не получая от секса никакого удовольствия.

Секс с Аленой был бурный, она в порыве удовольствия хотела кричать, но сама себе закрывала рот ладонью в момент оргазма испытывая величайшее удовольствие в объятиях Могила, так как он был ласковым и знающим любовником. Всю ночь кувыркались до самой Варшавы и немного уставшие но счастливые бурной ночью, уже стоя на пероне Могила предложил Алене поехать с ним в гостиницу, но мило улыбнувшись она отказалась, обняла сильно и прижавшись к его груди прошептала чуть слышно.

– Я очень счастлива и хочу сохранить это чувство, мне на самом деле пора бежать, вечером выступление а я не готова совсем, да и надо хоть немного поспать перед работой. Давай созвонимся и оставила свой номер телефона. Попрощавшись Могила подумал, что еще одна мимолетная барышня в его жизни, которую вскоре позабудет. Уже через несколько часов Могила заскучал по подруге и позвонил Алене, но она не поднимала трубку, видимо отдыхала после бурной ночи. В Варшаве дела были решены в тот-же день и вечером Могила уже был в поезде, в купе он был один и прикупив себе хорошего пива все вспоминал прошлую ночь и страстную как пантера Алену. Мобильная связь с роумингом в те времена было очень дорогим удовольствием и позвонить пришлось только по приезду домой. Она сразу взяла трубку и очень обрадовалась звонку, Могила сразу при знакомстве ей все рассказал, что женат и не собирается разводиться, на что Алена не расстроилась, видимо ее устраивали и такие отношения. По телефону общались часто и стало ясно, что Алене нужен толчок для начала новой жизни, Могила умел брать на себя ответственность и предложил ей переехать в его город вместе с сыном. Женщины очень осторожны в своих решениях и поступках, так перед Новым Годом Алена приехала с сыном Максимом к Могиле, он поселил их в гостиницу и заботился чтобы они весело проводили время. Городок им понравился и решили переехать, тем более уже было невтерпеж существование в непонятной семье рядом с мужиком, который как мебель в доме. За все время, пока гостили квартиру сняли и обставили скромно мебелью, так что к приезду все было готово. Работу для Алены сразу придумали, Могила открыл для нее салон красоты и пока они собирали вещи он подбирал персонал и оформлял все необходимые разрешения и лицензии. Приехали после праздников и сразу в бой, Макса в школу определили, Алена записалась на курсы косметолога и еще стала по вечерам вести тренировки по фитнесу, старательная и трудолюбивая женщина оказалась или соскучилась по нормальной жизни.

Могила все задавал себе вопрос, почему некоторые женщины при толковом мужике добиваются многого а другие просто лентяят и сидят как за каменной стеной за мужиком и головой не думают, детей нарожают и все, на этом баста, мужик пусть думает за нее. Могила жил на две семьи и справлялся с этим неплохо, жена и подозревала о существовании Алены и Макса, принцип не навреди для Могила многое значил, семья – это святое. С Аленой встречались днем, пока Макс в школе и на жену то-же хватало Могила и все бы хорошо, но женщина есть женщина, замуж хочет хоть ты тресни. Через год Алена познакомилась с водителем маршрутки, тот ухаером оказался и начал подбивать колья, сам растил двух детишек, его жена умерла от тяжелой болезни и Алена пожалела мужика, Могила не раз говорил с Аленой о честности в отношениях и если появился ухаер скажи, но получилось совсем наоборот. Алик, так звали ухаера, навещал Алену на работе и дома, сразу предложил замуж, но женщине надо подумать, Уж очень спешил новоиспеченный муж и однажды не застав Алену на работе приперся к ней домой где был Могила и давай ломиться в двери.

Надо же в самый интересный момент, когда в разгар бурной страсти и огненного секса в дверь звонят, как на пожар и настоятельно требуют открыть. Алена поняла и от стыда чуть под землю не провалилась, но не рассказала потому, что очень любила Могила и боялась его потерять. Могила не тот человек, который женщину не поймет и пошел открывать, отворив двери увидел узкоглазого казаха, крепыш но постарше Могила лет на пять и по лицу читалось, что в жизни он крепко побухивал, но не этот факт удивил, тот набросился на Могила с кула-

ками, два точных удара под дых остановили пыл ловеласа и Могила затащив его в прихожую удивленно спросил.

– Ты мужик влез в мой огород чтобы обосрать мою малину, вместо того чтобы извиниться ты еще и драться лезешь, сперва поинтересовался бы, кто в доме хозяин а потом и лезь. Тот скрутился весь а Алена всю сцену наблюдала с ужасом, что дальше Могила сотворит с бедолагой.

– Тебя бить, ниже моего достоинства, но если ты по настоящему хочешь этой женщине счастья я не против, но только после серьезного разговора между нами мужиками, обещаю, пальцем не трону, согласен али как. Алик кивнул и только хватал ртом воздух.

После его ухода Алена пыталась объяснить, но Могила успокоил ее и понимая, что надо дать время женщине обдумать свои поступки, ретировался. На душе у него было муторно от недомолвок и вранья, которое для него хуже смерти.

Потом состоялась встреча с Аликом, на которой женщина не присутствовала и дальнейшее развитие событий решал Могила, устроившись в кафе неподалеку от офиса Могила начал разговор серьезным тоном.

– Ты Алик не понимаешь ситуации, Алена своеобразная женщина, не глупа и деловита, многого добилась с тех пор как сюда переехала а женитьба все изменит, ты готов обеспечить ей достойную жизнь. Алик не задумываясь выпалил.

– Да, я неплохо зарабатываю, маршрутка моя личная, правда маршрут арендую, квартира трехкомнатная и все поместимся.

– Это понятно, но Алене нужно развиваться, она уже имеет свой круг общения в салоне и в моей фирме а после брака всего этого она лишиться, ведь ты не думаешь, что я оставлю все как есть. Из моей жизни Алена должна исчезнуть а по другому никак, ты парень горячий и очень ревнивый да еще не хватало разборок на почве ревности. Могила четко рисовал будущее новой семьи.

– Я согласен и сделаю все для Алены, Алик сглотнул и продолжил. Я ее люблю и не представляю свою жизнь без нее.

– О, как все запущено, вы что уже и переспали. Алик вздрогнул и заикаясь выговорил.

– Нет, что ты я даже обнять не пытался, Алик с ужасом смотрел на Могилу, взгляд которого ничего хорошего не предвещал.

– Ладно, поверю, но имей в виду, Алену я отпускаю и снимаю с себя всю ответственность, но не дай Бог ты ее обидешь, хоть словом, хоть полусловом, думай сам, из под земли достану и выверну на изнанку. Ты раньше побухивал а сейчас в завязке, если заново запьешь тогда как. Алик в недоумении откуда Могила мог знать о его прошлом ответил.

– Да раньше я ювелиром работал и заливал часто, но уже давно в завязке, кручу баранку и забот с детьми хватает. Ты меня извини за Алену, она мне сказала о тебе а я не подумал, что надо с тобой встретится и просто поговорить как два взрослых мужика. Алик опустил глаза и Могила понял, что ему пока можно верить, но понимал еще одно, алкашам верить, себя не уважать, на это были свои причины. Могила потерял двух хороших друзей, которые просто спились и умерли от цероза печени, это были боевые офицеры а Алик кто, никто. Алена была светлой полосой в жизни Могила, на вечеринках и деловых встречах они всегда были вместе, оба импонировали друг другу, молодые и успешные, просто счастливые заключали удачные сделки и обсуждали перспективы развития бизнеса, все заботы и хлопоты Могила были приятны потому, что его радовало перевоплощение Алены из несчастной в деловую и счастливую.

Перед встречей Могила задал Алене только один вопрос.

– Ты этого хочешь? Алена со слезами на глазах кивнула. Ну как понять женщину, кто ее поймет вечно жить будет, фолосовски подумал Могила и засобирился на встречу. После он ей сообщил что она свободна как птица.

– Алену береги и о Максе позаботься, на свадьбу не приглашайте, не приду, из вашей жизни меня спишите а другую любовницу я завтра-же заведу, мне по статусу положена а то партнеры по бизнесу неправильно поймут. Счастья вам желаю. Могила рассчитался бросив деньги на стол и вышел, он по жизни многих близких терял а Алена уже стала как родная. Потом была свадьба и недолгая счастливая семейная жизнь. Алика постоянно закатывал сцены ревности и скандалы возникающие на этой почве вскоре надоели Алене и она прибежала к Могиле поплакаться в жилетку, она уже не работала в салоне и перебивалась заработками от шитья и фитнеса. Могила отказался от встречи предчувствуя, что женщина выкинет еще не понимает своего счастья, но ситуация видимо уж очень непростая сложилась, раз даже отказав Алене она с заплаканными глазами ворвалась в его офис и зарыдала так, что Могила не сдержался и обнял. Она плача ему выпалила все свое несчастье и умоляла разрешить ей вернуться к нему, Алик ревновал ее даже к пеньку, следил за каждым ее шагом и уже доходило до маразма, ревнивцы опасный народ и вся их жизнь напряжение, тем более алкаши всегда напряжены и им не хватает допинга, нет спиртного, они находят себе заменитель, кем и стала Алена. Вроде со слов Алены ее суженный и ряженный не бухал, но при его виде не трудно было определить, что алкоголь он заменил на другую дрянь, или колеса (таблетки психотропного действия), или травку покуривал, но то что он вытворял не подавалось объяснению. Повлиять на Алика не было смысла, человеку уже за сорок а мозгов нет, бить его только во вред себе, садиться за него дурака то-же бессмысленно и Могила согласился принять Алену обратно на работу и потихоньку Алика воспитывать, так все началось заново. Уединения в гостиничные номера и новые страстные отношения. Алик не устраивал сцен ревности, боялся как огня Могила, но и продолжать такую семейную жизнь не собирался и в конце концов решил продать квартиру и маршрутку и уехал к своим в Казахстан. Могила простил Алене предательство, но понимал, что предав однажды Алена предаст еще, но продолжение отношений не огорчило, ведь бросать в беде не в принципах Могила. За 10 лет Могила многое сделал для Алены, поднял Макса и поставил на ноги, воспитал как своего сына, отправил учиться в Прагу вместе со своим сыном и Максим признался Могиле однажды, что он для него дороже родного отца, которого и не припоминает. Из приятных и не очень приятных воспоминаний его вывел Шкет.

– Ты что впал в кому, Могила как не в чем не бывало взбодрился, ведь он не дослушал рассказ.

– Все путем брат, на чем ты остановился.

– Да все на том-же, на бабах, вынесли мы из банка восемь лямов (миллионов) деревянных (российских рублей и без пыли и шума раздербанили (поделили) поровну, по два ляма каждому, кругом-бегом по 60 косарей «тысяч» зеленых и разбежались. Моя подруга уволилась из банка и поехала со мной в Германию а те двое здесь осели в Питере. Под Дрезденом я купил домик и думал заживу по людски, так не получилось, моей кошолке быстро наскучило и рвалась на родину, как черт ее тянул в руки к мусорам, поехала дура в Питер и здесь ее приняли, сдала она всех и главное на меня такую бочку грязи вылила, что мусора всех повязали, ее и других подельников а меня объявили в международный розыск. И какой сукой надо быть, чтобы хотя бы предупредить меня, я не сном не рылом сунулся в Россию и меня принимают как лоха, вот такие дела. Шкет закачал головой, желая видимо стряхнуть все плохое из головы а Могила спросил.

– Крыть есть чем терпиле ущерб и мусоркам отстегнуть?

– Есть чем крыть, домик в Германии не смогут отнять, руки коротки а дом под Питером продам, за 10 лямов уйдет как с молотка, одно обидно, ехал я в Питер со старшим братом повидаться, болен он, последняя стадия рака, месяц или два ему еще осталось, уже на наркоте сидит и плохо соображает, овощ короче и на похороны ведь суки не отпустят и свиданку следак не дает. Беда да и только, так братья поддерживают, вот завтра заедет к нам в хату партия витаминов и поднимем на ноги Ленина.

Шкет крепко решил своих подельников не сдавать, сам пойдет паровозом и выкрутиться легче, многие считают, что сдав подельников соскочат, а это западло и не соскакивают, за это таких кадров быстро загоняют в обиженные и петушат по законам воровским. Жизнь в тюрьме многому обязывает и в первую очередь к порядочности и честности. Крысить «воровать, отнимать, прятать» западло, за крысятничество жестко опускают и на параше сидеть крысе всю сознательную тюремную жизнь. Сотрудничество со следствием то-же западло, можешь в сознанку идти но не сливать других, но времена и нравы меняются и поколение «Пепси» попадая в Централ не знают и не стараются узнавать воровской закон и арестанские уклады, потому косячат (нарушают) по незнанке а незнание не облегчает наказание. Нужда в тюрьме всегда есть, но главными считаются курево, чай и сахар, во все времена арестанты делились друг с другом именно этими тремя продуктами, Шкет был смотрящим по бондюку и обшакон хаты, где хранились запасы хаты, из всего что заходило дачками, часть отдавалась в общак, каждый получающий отдавал сколько считал нужным по братски поделиться. В людской хате все общее, кроме конечно сугубо личных, мыльно-рыльных принадлежностей, парфюмерия и носимые вещи, остальное у всех на виду и по братски делиться поровну, нет особенных. Больным надо выделять побольше и никто не оспаривает эти вещи, жадничать и хапать западло и ответ держать за такие поступки в тюрьме закон.

Сказано, сделано, на следующий день вошли две дачки со всеми нужными фруктами и овощами, сварганили салаты и накормили Ленина и самих себя витаминами. За все время проведенное Могилой в спецблоке он убедился, что настоящие люди в тюрьме, среди них нет лицемерия, лжи, фальши и типичной для вольной жизни зависти. В целом хата хлебная была и особых нужд не испытывала, дачки заходили стабильно и только Ленину никто не носил дачек да и Гонщик сидел без взгрева, с воли. Ленина все забыли а Гонщика просто игнорировала семья, но не было случая, чтобы кто-то упрекнул их в этом. Баланду «тюремная еда» жрать невозможно было, все готовили из кислой капусты в перемешку с огурцами, кислятина невероятная, но горячая пища организму необходима, так что выход нашелся, выбирали капусту и вымачивали, добавляли масла растительного и лучок, получался неплохой салат. Единственное съедобное и полезное давали утреннюю кашу, овсяную или ячневую, посыпали немного сахара и очень даже ничего.

Годе баланду принципиально не ел, запаривал себе овсяные сухие каши и ел грузинский сыр сулугуни, такая сухомятка быстро посадила его желудок и он все чаще жаловался на боли, врачи разводили руками и ничего не предпринимали. Чтобы выжить в условиях тюрьмы и не загубить здоровье, не стоит гоношиться и Могила подсказал Годе, что утром обязательно нужно есть кашу и пить чай без сахара, гастрит у него уже был а до язвы желудка не долго осталось, так после этого, Годе первым просыпался и получал баланду на завтрак, съедал кашку, пил чай и ложился отдыхать, не поверите, через недели две боли прекратились и Годе даже кислятину капусту стал понемногу пробовать. Ленин поправился и по совету Могилы в банный день обязательно принимал холодный душ для закаливания а после прогулок обливался холодной водой над раковиной, хоть до пояса но эффект сказался на его здоровье, дальше пошли контрастные души чередования холодной и горячей воды и упражнения на турнике во время прогулок и спортивная ходьба, в околотке прогулочного двора не разбежишься а ходить можно.

Вот так, где советом а где поступком Могила как мог помогал сокамерникам, выживать в жестких и нечеловеческих условиях, система правосудия делает все не для человека а против него, чем хуже арестанту, тем лучше для системы, все поймут с арестанта, который ломиться на волю, прокурор, следователь и судья, адвокат конечно то-же. Расценки разные, например по легкой статье один год скосить стоит около 200 000 рублей, потому условия содержания при предварительном расследовании и судебного разбирательства самые ужасные,

потому и рассмотрение в судах дела затягивается на года, тем самым давая возможность тянуть бабло из сидельцев, бизнес на основе государства.

С Костей Гонщиком и заговаривать не пришлось, он сам подошел попросить о помощи.

– Мне тут Ленин шепнул, что ты в законах разбираешься и типа юрист по образованию, Гонщик явно нервничал. Могила отложил книжку и спросил.

– Что у тебя, я в основном по гражданским делам да по международному праву,

Я думаю у тебя не сложное дело так что попробуем, рассказывай все по порядку. Гонщик метнулся к своему шконарю и приволок ворох решений, постановлений и свой приговор.

– Вот весь мой талмуд, приговор мне вlepили по уgonу и Ленин мне помог апелляцию накатать, он приболел а мне край как нужна помощь, адвокат у меня положняковый (за счет государства) и толку от него никакого, вот самому и приходится малевать все жалобы и протесты. Могила взял документы.

– Мне нужно их изучить, апелляцию когда подал или еще не пройдена. Могила стал листать бумаги.

– Апелляшка еще не скоро будет, сегодня мне от прокурора бумага пришла что типа он не согласен чтобы мою жалобу вообще рассматривали, мол приговор законный и нет повода для апелляции. Могила улыбнулся и заметил.

– Прокурор может хотеть что угодно лишь-бы не работать а срок тебе мотать, ладно разберемся, ты пока носи мне УПК (уголовно-процессуальный кодекс), УК (уголовный кодекс) и комментарии к ним, я видел Ленин их листал. Могила даже не поверил, УПК и УК были самой свежей редакции и комментарии то-же, в тюрьме очень нужная литература, для знающих конечно. Прочитав апелляционную жалобу от руки написанная Гонщиком сразу стало понятно, почему прокурор против рассмотрения дела, единственным нарушением при рассмотрении дела в суде, указывалось несвоевременное вручение приговора подсудимому. Прокурор в своем возражении указывал на законность приговора, не смотря на тот факт, что в приговоре было указано, что судом установлены в законном порядке смягчающие вину обстоятельства и учтены при вынесении приговора, даже указана статья предусматривающая срок наказания менее одной трети от самого строгого наказания, который был максимально три года.

Приговор не зря Могила перечитывал несколько раз и именно факт осуждения на полтора года и смутило Могилу, смягчающие обстоятельства по суду есть, но в приговоре только указаны а решение приняли не принимая их во внимание. Вроде ошибка судьи, но все не так просто, дурят нашего брата и в одной упряжке с судьей оказался адвокат Гонщика, который заинтересован затягивать процесс получая при этом неплохие деньги от государства за каждое судебное заседание и все делятся с судьей. Вместо того чтобы помочь, наоборот топят, адвокат должен писать апелляционные жалобы и усматривать в действиях судьи и прокурора нарушения и недоработки. Если у судьи апелляция усматривает нарушения неизбежны дисциплинарные наказания и отмена приговора первой инстанции, что и произошло с делом Гонщика. Могила накатал на возражение прокурора жалобу и указал, что приговор слишком суров и не были учтены требования статьи 51 УК РФ. Все решения по уголовным делам, несогласия и возражения можно и нужно опротестовывать, ведь за волюшку надо драться и рваться к ней всеми возможными способами. Апелляшку готовил для Гонщика Ленин, но ему не до него было, у самого кассаций и апелляций по десяткам дел, потому видимо и не вникал в подробности и решил самым простым способом отделаться.

Могила же наоборот, хватка как у волкодава, оперские навыки и скрупулезность во всем дало свой результат, как только бумага попала в апелляционную инстанцию прибежал адвокат Гонщика и предложил отказаться от жалобы, мол судья очень злиться и сроку могут еще добавить а не скосить. Перед встречей с адвокатом Гонщик подошел посоветоваться с Могилой как ему поступить, на что тот посоветовал.

– Что-бы не предлагал адвокат, никакого ответа не давай, скажи что обдумать хочешь а потом мы обмозгуем его предложения, насосячили они с судьей и прокурором при вынесении приговора, теперь втык получать не хотят, будут уговаривать отозвать жалобу, тут к гадалке не ходи.

По возвращению Гонщик был удивлен, откуда Могила мог знать о чем попросит адвокат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.